

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 44 НОЯБРЬ 1975

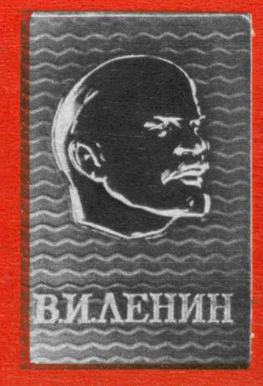

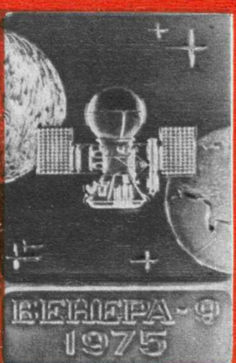
СЛАВА СОВЕТСКОЙ НАУКЕ, ВНОСЯЩЕЙ ДОСТОЙНЫЙ ВКЛАД В СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА!

Из Призывов ЦК КПСС к 58-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Вымпел с барельефом Владимира Ильича Ленина, установленный на борту автоматической станции «Венера-9».

Вымпел с изображением Государственного герба СССР, установленный на спускаемом аппарате станции «Венера-9».

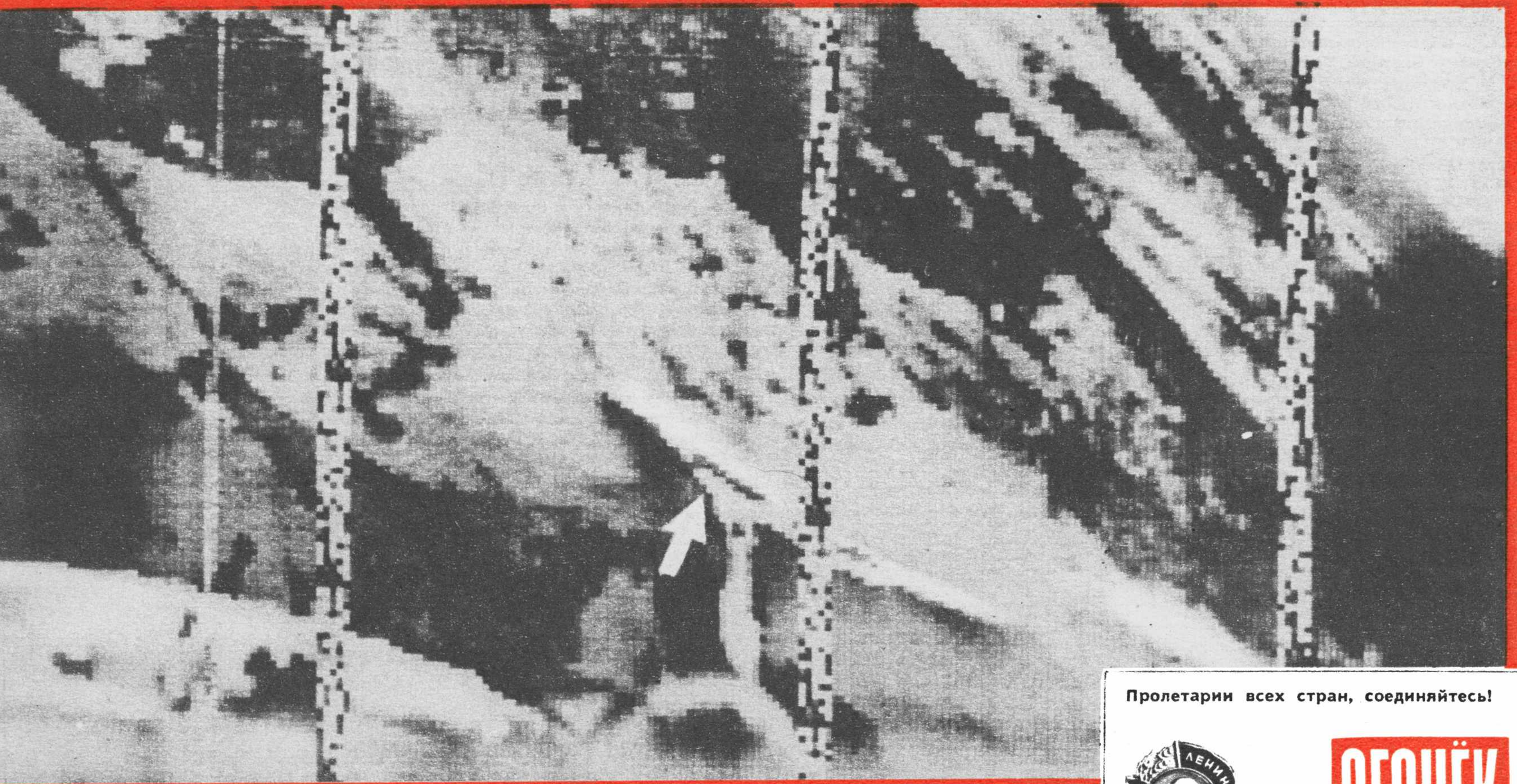

Изображение поверхности планеты Венера в месте посадки спускаемого аппарата станции «Венера-9».

К ВЕНЕРЫ

Изображение поверхности планеты Венера на месте посадки спускаемого аппарата станции «Венера-10».

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

РЕПОРТАЖ ИЗ КООРДИНАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

В эти дни люди впервые увидели пейзажи Венеры. Панорамы поверхности планеты, надежно укрытой непроницаемым слоем облаков, предстали вдруг перед землянами во всей своей необычной космической красоте.

Вот лежат они рядышком на широком столе в одном из залов Координационно-вычислительного центра — фотографии первой па-

Окончание см. на стр. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2521)

1 НОЯБРЯ 1975

Встреча на Внуковском аэродроме.

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и правительства СССР 27 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыла делегация Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном.

На аэродроме, украшенном государственными флагами ДРВ и СССР, партийно-правительственную делегацию Демократической Республики Вьетнам встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

28 октября начались переговоры советских руководителей с делегацией Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам.

В переговорах принимают участие:

С советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР А. А. Гречко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

С вьетнамской стороны — Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, член Политбюро ЦК ПТВ, заместитель премьер-министра ДРВ, председатель госплана ДРВ Ле Тхань Нги, другие члены делегации.

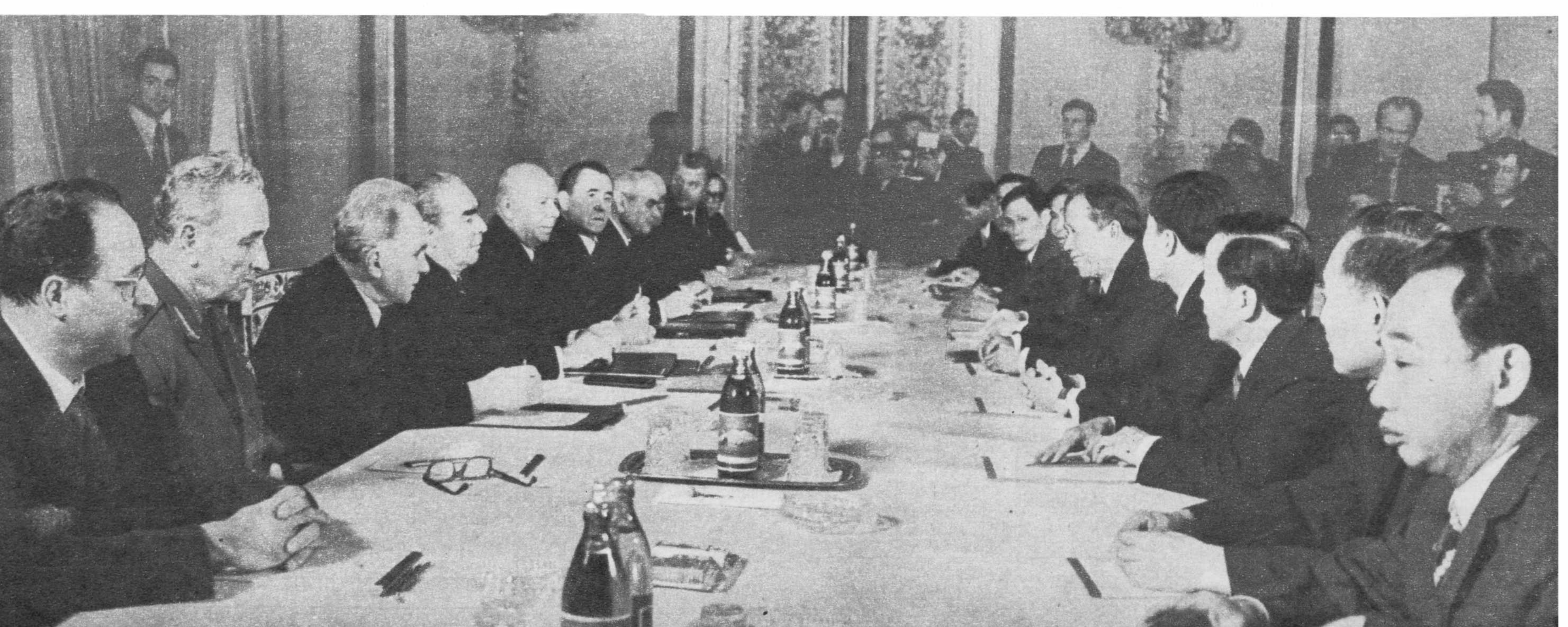
Стороны отметили, что Демократическая Республика Вьетнам стала надежной базой революционной борьбы всего вьетнамского народа, подлинным форпостом социализма в Юго-Восточной Азии. Боевым авангардом вьетнамского народа, организатором всех его побед является героическая Партия трудящихся Вьетнама.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что советские люди, верные интернациональному долгу, будут и в дни мира так же, как это было в дни войны, вместе с братским народом Вьетнама, будут и впредь оказывать ему поддержку в борьбе за благородные цели, всемерно крепить и углублять отношения дружбы и солидарности между Коммунистической партией Советского Союза и Партией трудящихся Вьетнама, между СССР и ДРВ на благо народов обеих стран, в интересах всего социалистического содружества.

Товарищ Ле Зуан выразил глубокую благодарность и искреннюю признательность ЦК КПСС, правительству и народу братского Советского Союза за поддержку, большую и эффективную помощь.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

ИСПЫТАННЫЙ СОЮЗ

По приглашению Советского правительства с 21 по 24 октября в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров ВНР Дьердь Лазар.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял товарища Д. Лазара и имел с ним беседу, прошедшую в сердечной, товарищеской обстановке. Д. Лазар нанес визит члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному. В состоявшейся дружеской беседе был затронут ряд вопросов, представляющих взаимный интерес.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР Д. Лазаром были проведены переговоры, проходившие в атмосфере полного взаимопонимания, в деловой дружественной обстановке. Был обсужден широкий круг вопросов, касающихся дальнейшего расширения политического и экономического сотрудничества между Советским Союзом и Венгрией, а также важнейшие международные проблемы.

Обе стороны выразили удовлетворение результатами переговоров и уверенность в том, что они послужат делу дальнейшего развития и углубления братской дружбы и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Во время встречи товарищей Л. И. Брежнева и Д. Лазара.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

СОЛТ-2 И ПЕНТАГОН

Сергей ЛОСЕВ

Советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (СОЛТ-2), возобновившиеся в Женеве 17 октября, породили в мировой прессе волну комментариев и предположений о шансах на завершение этих переговоров, которые длятся без малого три года. Заключение долгосрочного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений взамен действующего ныне Временного соглашения, истекающего в 1977 году, имело бы первостепенное значение не только для СССР и США, но и для всего мира. Подписание такого соглашения сроком до 1985 года позволит существенно дополнить и укрепить разрядку политическую разрядкой военной как раз в то время, когда политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем подвергается самым ожесточенным контратакам за океаном, в Пекине и со стороны реакционеров всех мастей в Западной Европе.

Советский Союз неизменно придает переговорам СОЛТ-2, направленным на обуздание как количественной, так и качественной гонки ракетно-ядерных вооружений, исключительно важное значение.

На встрече во Владивостоке между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом Дж. Фордом было не только подтверждено намерение заключить долгосрочное соглашение, но и достигнуто согласие о положениях, на которых должны основываться дальнейшие переговоры. Стороны согласились ограничить наступательное стратегическое оружие определенными согласованными суммарными количествами носителей стратегического оружия и межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет на подводных лодках, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Мы убеждены в том, что подписание нового соглашения, сердцевиной которого явится владивостокская договоренность, будет крупным шагом вперед как в развитии двусторонних советско-американских отношений, так и в плане оздоровления всей международной атмосферы.

Судя по заявлениям официального Вашингтона, Белый дом и правительство США также сохраняют заинтересованность в успешном завершении переговоров. Выступая недавно в телевизионном интервью, государственный секретарь США Г. Киссинджер высказал мнение, что перспективы подписания нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений неплохие. Будет ли это сделано в 1975 году или в начале будущего года, станет яснее позже. По его словам, обсуждение на женевских встречах завершено, по существу, на 90 процентов. Осталось, как заявил государственный секретарь, согласовать два или три спорных вопроса, после чего потребуется 4—6 недель технических обсуждений для выработки заключительных деталей.

Эту оценку, как ни странно, подвергли критике в самих Соединенных Штатах как якобы «не в меру оптимистичную». Если проследить истоки этих нападок, то, оказывается, они исходят от тех самых кругов военно-промышленного комплекса, которые безуспешно пытаются повернуть вспять главное течение в советско-американских отношениях, направленное на обуздание гонки вооружений и предотвращение термоядерной войны.

Провал вьетнамской авантюры и пентагоновской стратегии так называемых малых локальных войн милитаристские круги стараются компенсировать активизацией военного блока СЕНТО на Ближнем Востоке и других военных союзов, нацеленных против социалистических государств и национально-освободительных движений, подстегиванием гонки ракетно-ядерных вооружений.

Разрядка в военной области не устраивает эти круги прежде всего потому, что они заинтересованы в сохранении атмосферы, которая позволяла бы фабрикантам смерти наживаться на производстве вооружения. В пораженной спадом американской промышленности отрасль военного производства процветает. В то время как мир бизнеса переживает депрессию, для монополий «Дженерал дайнемикс», «Локхид», «Дженерал электрик», «Литтон» и других корпораций, возглавляющих список многомиллиардных подрядчиков Пентагона, прошедший финансовый год был лучшим годом за все последнее десятилетие. Военно-промышленный комплекс полностью отдает себе отчет в том, что если переговоры СОЛТ-2 окончатся неудачей, то обе стороны будут вынуждены наращивать свои стратегические силы, чтобы упредить то, что может предпринять противная сторона.

Руководство Пентагона, выступая как представитель интересов военно-промышленных корпораций, пытается сейчас воздвигнуть новое препятствие на переговорах СОЛТ-2.

На пресс-конференции, состоявшейся в конце октября, американские корреспонденты обратили внимание министра обороны США Дж. Шлесинджера на разработку Соединенными Штатами крылатой ракеты, которую можно запускать с борта самолета, надводного корабля или подводной лодки, как на фактор, способный повредить переговорам СОЛТ-2. Журналисты напомнили в своих вопросах, что на владивостокской встрече американская сторона представляла эту ракету как тактическое оружие с радиусом действия в пределах 600 километров. Сейчас же Пентагон превращает крылатую ракету в стратегическое оружие с радиусом действия до двух тысяч миль и, как подчеркивает в редакционной статье газета «Крисчен сайенс монитор», «бросает вызов переговорам об ограничении стратегических вооружений». Эта новая опасная затея Пентагона вызвала осуждение американской печати. Как подчеркивает в редакционной статье газета «Нью-Йорк пост», «в действительности США не нуждаются в еще одной дорогостоящей системе доставки. Приостановка разработки крылатой ракеты могла бы открыть путь к существенному выигрышу на переговорах СОЛТ-2».

Главным принципом, на котором основаны два первых соглашения по ограничению стратегических вооружений, являлся принцип равной безопасности сторон. Этого принципа следует неукоснительно придерживаться и при окончательной выработке нового соглашения.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЛИК ВЕНЕРЫ

Начало см. на 2-й странице обложки.

норамы и второй, полученной буквально несколько минут назад.

Только что закончился сеанс радиосвязи с автоматической станцией «Венера-10». Уникальный космический эксперимент еще раз успешно повторен: спускаемый аппарат достиг поверхности планеты и в течение 65 минут передавал с нее научную информацию, а Венера обрела свой второй искусственный спутник.

Группа ученых склонилась над фотографиями: внимательно вглядываются в панораму местности, скрупулезно рассматривают мельчайшие детали снимков. Вот он, лик Венеры, чистый и даже как бы прозрачный, честно говоря, во многом неожиданный.

В результате многолетних исследований планеты наземными средствами и с помощью космических аппаратов ученым удалось установить основные физические параметры атмосферы планеты, говорящие об очень высоких температуре и давлении на ее поверхности. Два советских спускаемых аппарата подтвердили еще раз эти выводы: наибольшая температура была 485 градусов Цельсия и давление — 92 атмосферы. Один из приборов спускаемого аппарата зафиксировал также скорость ветра, доходившую до нескольких метров в секунду, довольно значительную по силе ввиду высокой плотности среды.

С учетом этих условий, весьма благоприятных для процессов эрозии, считалось, что поверхность Венеры скорее всего представляет собой песчаную пустыню со сглаженными горячими ветрами барханами.

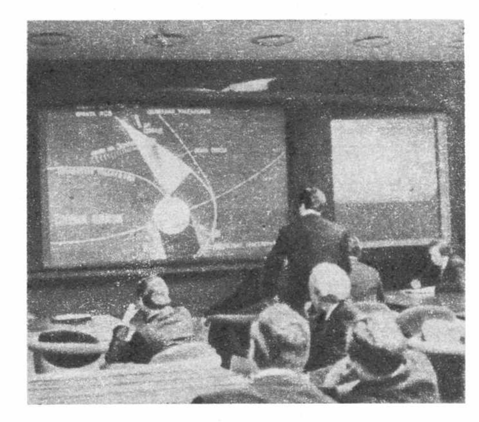
Но зоркий глаз панорамных телекамер передал на Землю более содержательную картину. Россыпи крупных камней с плоскими гранями и острыми выступами отбрасывают четкие тени на плотную, по-видимому, грунтовую поверхность. Беспорядочные скопления крупных глыб размером до 40 сантиметров и мелких камешков очень напоминают свежие каменные россыпи на нашей планете. И совсем уж удивительным зрелищем явилась ровная, чуть скругленная линия горизонта с правой стороны от места посадки.

Совершенно новую информацию содержит и другой снимок. Вокруг спускаемого аппарата выступают скальные глыбы со скругленными краями, с крупными щербинами, заполненными грунтовым песком. Детали ландшафта как бы свидетельствуют о значительных изменениях, происшедших с этой местностью в течение тысячелетий. И эти явные признаки влияния времени очень радуют ученых-планетологов, так как дают возможность провести детальные сравнения «молодой» и «старой» поверхности в двух районах, отстоящих на 2 200 километров друг от друга. По единодушному мнению специалистов, первый аппарат опустился в гористый район поверхности Венеры, второй — на равнинную местность. Ну что ж, тем более интересно будет сравнить данные измерений научных приборов спускаемых аппаратов, каждый из которых в течение часа передавал разнообразную научную информацию о физических свойствах и характере грунта.

Неожиданным для всех открытием явился характер освещенности поверхности Венеры. Раньше предполагалось, что плотные облака значительно рассеивают солнечный свет и сглаживают контрасты. Но в обоих районах видимость оказалась прекрасной, а освещенность достаточно высокой даже в условиях сильного ветра.

Обилие новых сведений о планете, множество данных измерений, физических характеристик в атмосфере и на поверхности, уникальные панорамы местности — все это, несомненно, позволит составить более точные представления о нашей ближайшей планете. А пока, как видите, Венера с успехом отстаивает свою давнишнюю репутацию «загадочной планеты»: полученные сведения поставили много новых вопросов.

Атмосфера напряженных будней в Координационно-вычислительном центре, деловая и в то же время праздничная, удивительно напомнила сейчас времена полетов первых лунных станций. В феврале 1966 года автоматическая станция «Луна-9» передала на Землю первую лунную панораму. Вид плотной лунной поверхности, усеянной четкими кратерами и камнями, также сразу развеял тогда мифы о предполагавшемся толстом и рыхлом пылевом слое.

В Координационно-вычислительном центре во время сеанса связи.
Фото В. Кузьмина (ТАСС).

«ПОСВЯЩАЯ НОВЫЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ XXV СЪЕЗДУ КПСС, ЗАВЕРЯЕМ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС, ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ЧТО УЧЕНЫЕ, КОНСТРУКТОРЫ, ИНЖЕНЕРЫ, ТЕХНИКИ, РАБОЧИЕ И ВПРЕДЬ БУДУТ УСПЕШНО ВЫПОЛНЯТЬ НОВЫЕ ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗАДАНИЯ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА, ОТДАВАЯ ВСЕ СВОИ СИЛЫ ДЕЛУ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВО СЛАВУ НАШЕЙ РОДИНЫ, НА БЛАГО ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

Из доклада Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР

Пожалуй, полученные панорамы поверхности Венеры произведут не меньшие изменения во взглядах на эту планету, ее историю и эволюцию, чем в свое время сделали первые снимки лунного ландшафта.

Помнится, один из ученых, рассматривая снимок лунного горизонта, сказал уверенно, что теперь, мол, пора и на Венеру. Многим это предложение в то время показалось фантастичным. Но прошло неполных десять лет — у космонавтики своя мера времени — и действительность превзошла мечты.

Но сегодняшнее замечательное достижение далось немалой ценой. Пять раз отправлялись с тех пор к «утренней звезде» советские автоматические станции типа «Венера». И каждая из них отвоевала у планеты новый рубеж. А сколько за это время было найдено инженерных решений и усовершенствований!

Последний полет станций «Венера-9» и «Венера-10» по праву оценен во всем мире как уникальный космический эксперимент. Вернемся на несколько часов назад и вспомним, как проходил его заключительный этап.

При подлете к Венере станция и спускаемый аппарат разделились, чтобы через двое суток образовать прочный радиомост до Земли. Со скоростью метеора вонзился в атмосферу спускаемый аппарат, и перегрузка за счет резкого торможения достигла 200 единиц. Вокруг лобовой части защитной сферической оболочки образовался слой плазмы с температурой 12 тысяч градусов, в то время как на аппарате было не больше 5 градусов. Но вот скорость постепенно падает до 250 метров в секунду. Аппарат сбрасывает защитный кожух и с помощью системы парашютов продолжает снижение. С этого момента в течение 75 минут ведутся измерения физических, химических и оптических характеристик атмосферы, исследуется структура облачного слоя.

Уменьшается высота, возрастает давление и плотность атмосферы. Трехкупольный парашют сейчас стал бы слишком тормозить спуск, поэтому он сбрасывается. А спускаемый аппарат вновь скользит вниз, сохраняя свое положение благодаря широкому зонту — тормозному щитку. Чем ближе к поверхности, тем эффективнее его тормозящая роль. Поверхности планеты аппарат касается уже при такой небольшой скорости, что динамический удар гасится с помощью очередного приспособления — кольцевого желоба, своеобразного бампера.

Мягкая посадка на Венеру и передача панорам ее поверхности — эксперименты сами по себе выдающиеся. Но результаты их имеют еще большее значение и потому, что вслед за измерениями в атмосфере и на поверхности начался новый этап комплексных исследований планеты с помощью двух искусственных спутников Венеры. Уже на следующий день был проведен многочасовой сеанс связи со станцией «Венера-9». С помощью телевизионной камеры, работающей в ультрафиолетовом диапазоне, были получены панорамы облачного слоя в экваториальной части Венеры.

В отличие от видимого диапазона ультрафиолетовый позволяет обнаруживать различные слоистые структуры облачного покрова. А по ним уже можно судить о разного рода атмосферных явлениях и циркуляции. Панорамная съемка позволит также более полно изучить динамику облачных образований. Вся панорамная фотография размечена поперечными полосками — временными метками. С помощью меток устанавливается момент съемки каждого отдельного кадра и сопоставляются с ними другие параметры и характеристики околопланетного пространства, измеренные научными приборами станции.

Сейчас, когда первые искусственные спутники Венеры совершили вокруг нее по нескольку оборотов, комплексный эксперимент находится в самой активной стадии. Ряд специалистов уже получил первые результаты, другие ученые «колдуют» над программой полета венерианских научных лабораторий.

Невольно вспоминаются замечательные слова академика С. П. Королева, под руководством которого была создана и запущена первая автоматическая станция «Венера-1»: «...то, что казалось несбыточным на протяжении веков, что вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением...»

В эти дни мечты основателя практической космонавтики стали выдающимся свершением.

Фото В. Турбина.

ВСТРЕЧА В ВЕШЕНСКОЙ

22 октября во Дворце культуры станицы Вешенской собрались представители трудящихся Ростовской области, чтобы выразить глубокую любовь своему дорогому земляку, выдающемуся писателю современности Михаилу Александровичу Шолохову.

Торжественную встречу открыл первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко.

Со словами приветствия выступили первый секретарь Вешенского райкома КПСС Н. А. Булавин, писатель А. В. Калинин, председатель правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков, старший мастер завода «Ростсельмаш» Д. В. Ефимов, первый секретарь Волгоградского обкома КПСС Л. С. Куличенко.

От трудящихся Ростовской области М. А. Шолохову был преподнесен огромный каравай донского хлеба. Его вручали писателю лучшие люди области — замечательные хлеборобы, знатные труженики заводов, фабрик, строек, шахт. Вместе с караваем писателю преподносится модель комбайна «Нива» и памятные подарки.

Михаилу Александровичу Шолохову был вручен также приветственный адрес бюро Ростовского обкома КПСС и символический подарок — казачья шашка.

К гостям Вешенской обратился горячо встреченный присутствующими М. А. Шолохов:

— Мне приятно и радостно видеть собравшихся здесь представителей сельского хозяйства, прославленных наших тружеников, рабочих наших заводов. Вдвойне приятно видеть здесь секретарей райкомов партии нашей Ростовской области. И вы поймете почему. Все ж таки из 70 лет 45 лет я пробыл в партии и 45 лет постоянно общался с «райощиками», руководителями Вешенского района. Коммунисты района — это близкий и родной мне народ, вместе с ними я делил и радости, и тяготы нелегких 40-х годов, вместе с ними я рос и мужал как коммунист, учился у них и помогал им осваивать богатства нашей отечественной культуры. Словом, связь кровная и долголетняя. 45 лет — это немалый срок.

Сейчас я смотрю на вас, теперь уже секретарей новой формации. Более грамотные, более культурные, вы остаетесь такой же славной и великой когортой партийных работников, какой они были во времена моей молодости.

Я сейчас на положении старослужащего, ушедшего в отставку и спустя годы приехавшего в свою воинскую часть. Вроде новые бойцы, новые командиры, новая техника, но старое знамя, старое и нерушимое ленинское знамя. Так и у меня такое ощущение — новые секретари, но то же знамя великой партии осеняет нас и сейчас, ведет к новым подвигам, к новым свершениям.

Сердечное спасибо вам за внимание и добрые пожелания.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ГАСТРОЛЕРАМИ

В старинных пекинских парках еще тепло, но в «Запретном городе» — бывшей резиденции китайских императоров, ставшей крепостью маоистского руководства,— давно уже веет холодом подземелья. Сюда, в Пекин, где политический барометр неизменно указывает на бурю и холод, маоисты пригласили «для консультаций» наиболее оголтелых врагов разрядки в Европе. На зов не замедлили прибыть (во второй раз за последнее время) бывший британский премьер и отставной лидер консервативной партии Эдвард Хит, лишившийся обоих постов за чрезмерную (даже с точки зрения тори!) твердолобость, и лидер баварского Христианско-социального союза, самого воинствующего отряда правой оппозиции в ФРГ, небезызвестный Франц-Йозеф Штраус.

«Дорогих гостей» принимали очень тепло — радушнее, чем любых других приезжих. Прямо с аэродрома Штрауса повезли в специальную резиденцию для особо почетных посетителей. (Побывавшего в Китае всего несколькими днями раньше федерального министра экономики ФРГ определили в заурядную гостиницу). Хита же, который и прибыл в Пекин всего-то на два дня, принимал лично сам Мао. «Дружеская беседа», как выразилось агентство Синьхуа, длилась между ними целый час, хотя обычно «председатель» встречается только с главами государств, правительств и даже им уделяет лишь по двадцать минут.

Ни хозяева, ни гости отнюдь не собирались утаивать причины такого поворота дела. Как передавал из Пекина корреспондент агентства ДПА, «для верхушки маоистского руководства председатель ХСС — особо желанный и интересный собеседник», а «его внешнеполитические воззрения котируются в Пекине как никогда», поскольку «Штраус придерживается единого мнения с ведущими китайскими деятелями в принципиальных суждениях о политике Советского Союза». Что же касается Хита, то, как передавало из китайской столицы агентство Рейтер, Пекин «проявляет большое уважение к его усилиям содействовать западноевропейской солидарности перед лицом того, что маоистское руководство именует «советской агрессией». Не оставались в долгу и гости. Штраус, например, заявил, что «между Китаем и Западной Европой существует большая общность интересов», а на Хита, по его словам, «произвело сильное впечатление то, «насколько глубоко и трезво» Пекин оценивает международное положение.

Получается совсем как в басне Крылова: «За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку». В братских объятиях сливаются заклятые антикоммунисты и люди, именующие себя коммунистами, причем роднит их ненависть к Советскому Союзу и другим странам социалистического содружества, стремление помешать разрядке международной напряженности. Поборников «холодной войны» и ненавистников марксистско-ленинских идей на Западе сближает с маоистами общее желание ослабить содружество социалистических государств, сорвать их мирные усилия и возродить эпоху конфронтации в расчете на то, что в таких условиях им удастся-таки поймать хоть какую-то рыбку в мутной воде.

Маоисты уже давно пытаются создать себе надежный плацдарм в Западной Европе и особенно рассчитывают в этом плане на Штрауса, Хита и им подобных. Именно стремлением создать в Западной Европе «второй фронт» против СССР и других социалистических стран объясняется неожиданное признание Пекином Европейского экономического сообщества. По мнению римского еженедельника «Эспрессо», маоисты выступают, пожалуй, самыми ярыми поборниками создания «малой Европы», «единой в политическом и военном отношениях», «способной — и это главное! — противостоять Советскому Союзу». Из Пекина то и дело раздаются призывы к западноевропейским лидерам «не доверять Советскому Союзу», однако пока что все эти вопли почти не нашли отклика среди западных руководителей и общественности западных стран, разве что у открытых поборников «холодной войны» и в правых органах печати. Успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, помешать которому отчаянно пытались и маоисты и их европейские союзники, стало для тех и других тяжким ударом. Однако, как видно, урок им не пошел впрок: подстрекаемые Пекином противники разрядки на Западе, как и сам Пекин, продолжают свои нападки на документы совещания, на политику стран социалистического содружества.

С этой целью пекинское руководство и затеяло свое очередное политическое представление, зная, несомненно, что собеседники постараются донести до мира содержание его мыслей и идей. И вот министр иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа выражает в беседе со Штраусом «сомнение в искренности советской политики разрядки» и заявляет, что «Китай разочарован медленными темпами объединения Западной Европы и ее неспособностью создать единую систему обороны». Заместитель премьера госсовета КНР Дэн Сяо-пин, со своей стороны, выражает Хиту «удивление по поводу того, что Западная Европа еще не создала совместные ядерные силы».

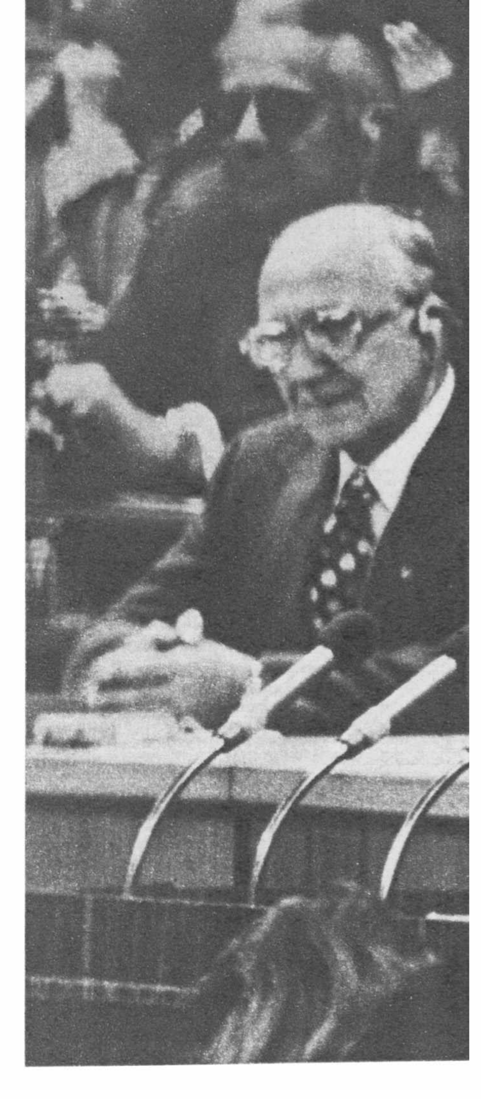
В Пекине между тем поняли, что одними предостережениями цели не добьешься. Отдавая себе отчет в силе экономического рычага, маоисты, как сообщает западная печать, прямо обещают западноевропейским промышленникам увеличить закупки у них, если те помогут привести к власти угодных им деятелей, в частности тех же Штрауса и Хита. Мир, надо сказать, ничего нового в пекинском спектакле не увидел — все те же набившие оскомину нападки на Советский Союз и другие социалистические страны, предостережения против мнимой «советской угрозы». Но само представление и выбор зарубежных гастролеров отнюдь не случайны. Из китайской столицы прозвучал сигнал к новой атаке на дело разрядки.

И. СУРИН

Бывший министр обороны ФРГ «инспектирует» часть НОАК под Тяньцзинем. Как видно, гость и хозяева понимают друг друга с полуслова...
Фото из журнала «Штерн».

ИХ ГОЛОС СЛЫ

Новелла ЦВЕТКОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Фото А. ПАСКОВИАКА и автора.

На синей карточке с эмблемой Международного года женщины напечатано белыми буквами «Пресса», а дальше под номером 644 обозначены мое имя, фамилия и журнал, который направил меня сюда, в Берлин, на Всемирный конгресс. Пять дней минувшей недели 707 журналистов из более чем двухсот газет и журналов всех континентов, а также корреспонденты радио, телевизионных компаний и 12 крупнейших информационных агентств мира вели репортажи из столицы ГДР. Каждый из этих дней в пресс-центре начинался с сообщений о новостях, написанных мелом на обыкновенной школьной доске, и милые девушки в форменных синих жакетах со значками «хостес», что значит «хозяйка», раздавали журналистам страницы очередного бюллетеня. Стопку этих листков я привезла с конгресса. В них короткая хроника событий. «В Берлин прибыли делегаты и гости из ряда стран, в том числе из Алжира, Венгрии, Гвинеи-Бисау, Греции, Замбии, Заира, Италии, Кении, с Коморских островов, из Лесото, Маврикия, Панамы, с Сейшельских островов». «Генеральный секретарь ООН доктор Курт Вальдхайм желает успеха в работе Всемирному конгрессу женщин в Берлине», «Делегаты избрали Президента Международного подготовительного комитета Фриду Браун председателем конгресса. Она выступила с отчетным докладом», «21 октября в первой половине дня в комиссии «Семья и общество» среди выступивших были: Та Тхи Ах Хой, член Национального комитета вьетнамских женщин, ДРВ, Софи Халивопулу, член городского совета Пирея, Греция, Кармен Глория Агуайо, министр по семейным вопросам в правительстве Народного единства Чили...». Я перечитываю снова это имя и вспоминаю нашу встречу.

«РАССКАЖИТЕ, КАК ЖИВУТ ДЕТИ ЧИЛИ!»

Едва Кармен Агуайо, закончив взволнованную речь, сошла с трибуны, к ней устремились сразу трое — седовласая Катарин Бенкерт из киностудии «ДЕФА», корреспондентка чехословацкой молодежной газеты и я. Глория рассказала о женщине, судьба которой нас потрясла. «Скажите, она здесь, в Берлине?» «Да, она приехала, хотя недавно снова перенесла тяжелую операцию. Ее зовут Анна Мария Моргадо». И вот мы уже сидим рядом с Анной, я смотрю на нее и не верю: неужели эта застенчивая чилийка с нежными глазами, мать троих ребятишек, прошла через застенки палачей Пиночета?

— Как тебе удалось спастись, Анна?

— Я истекала кровью после пыток, они подумали, что все равно не выживу, и отправили в больницу, чтобы там было выдано свидетельство о моей смерти. Но я выжила, и мне помогли бежать вместе с детьми в Швецию.

— Сколько лет детям?

— Старшему, Эдуарду, — 10, Франциско — 8, а дочке — только 4. Когда убили моего Патрисио, ей было два года, и теперь, когда дочка видит человека в военной форме, она кричит: «Мама, это он взял моего папу!»

Сдерживая рыдания, Анна вспоминает самое страшное — те три месяца, когда она искала своего мужа и нашла его наконец.

— Его труп, изрешеченный 69 пулями, выловили крестьяне одной деревушки из реки,— и, хотя это запрещено хунтой, я сумела провести медицинскую экспертизу, прежде чем похоронить его. Про это дознались, и меня бросили в тюрьму.

— За что же,— горестно спрашивает словачка Людмила,— за что, Анечка, убили твоего мужа?

Анна еще ниже наклоняет голову и тихо отвечает:

— Его звали Патрисио Вайс Перес. У него была маленькая часовая мастерская, где он работал, а еще он был руководителем молодежной организации радикальной партии. Первый раз его арестовали в октябре семьдесят третьего. Им не удалось состряпать против него обвинение. Его избили и отпустили, а через несколько дней пришли снова и увели навсегда...

— Анна,— говорит Катарин Бенкерт,— мы снимаем фильм для детей об этом конгрессе. Ребята ГДР принимают участие в кампании солидарности с патриотами Чили. Я была в нескольких берлинских школах, и дети просили меня задать вопросы, которые они написали.

Маленькая темноволосая женщина растерянно оглядывается на кинокамеру.

— Фильм? Прямо здесь, сейчас...

И тогда Кармен Агуайо, ласково обняв худенькие плечи Анны, предлагает:

— Мы будем отвечать с ней вместе, ведь у меня семеро детей!

«Расскажите, как живут сегодня дети Чили? Как помогает вам то, что многие люди участвуют в движении солидарности с вашей страной?» «Как чувствует себя товарищ Корвалан?» Вот какие были эти вопросы, и вот какие последовали ответы: сегодня в Чили двадцать две тысячи вдов, 60 тысяч осиротевших детей и около 6 тысяч круглых сирот. И это результат преступлений военной хунты. Из каждых четырех чилийцев — один безработный, и потому многие дети бросили школы, чтобы заработать на хлеб. Вместе с родителями в тюрьмах и концлагерях томятся малыши. Самое великое оружие чилийских патриотов — это их мужество и солидарность миллионов людей, которые помогают им жить и бороться. Этим летом хунта потребовала от правительства Франции выдачи доктора философии Кармен Глории Агуайо, которая находилась в Париже с мужем и детьми. Народ Франции ответил «Нет!». Этим же летом сын замученного активиста молодежного движения Чили Патрисио Вайса Переса — 10-летний Эдуардо отдыхал в советском пионерском лагере «Артек». И это тоже солидарность.

«Товарищ Лучо» — Луис Корвалан крепок духом, с большим мужеством переносит он муки в концлагере «Ритоке».

«МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ! БОРЬБА!»

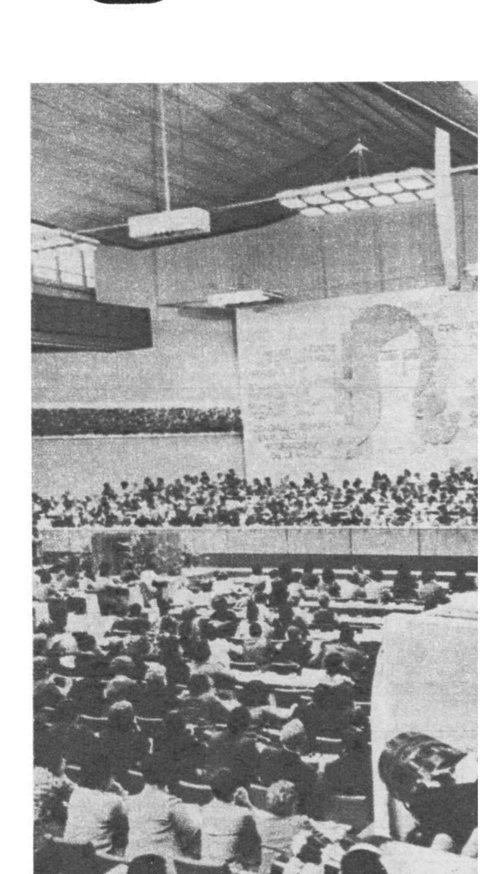
— Мадам, я прошу строго следить за регламентом, каждый имеет на выступление 5 минут, потому что много желающих взять слово!

Известный общественный деятель Бельгии, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами» каноник Раймон Гоор руководит работой комиссии, которая обсуждает вопросы участия женщин в борьбе за мир, международную безопасность и разрядку напряженности. Рядом с ним за столом президиума — депутат парламента Финляндии Марьям Вире-Туоминен. Мы условились с ней об интервью, но в перерывах между заседаниями к ней оказалось трудно пробиться. Член Президиума Всемирного Совета Мира Марьям Туоминен 26 лет отдала борьбе за мир и равноправие женщин. Многих делегатов она знает по именам, а другие — ее давние добрые друзья.

И вот, наконец, мне представилась возможность поговорить с ней.

— Скажите, какое у вас впечатление о сегодняшнем дне?

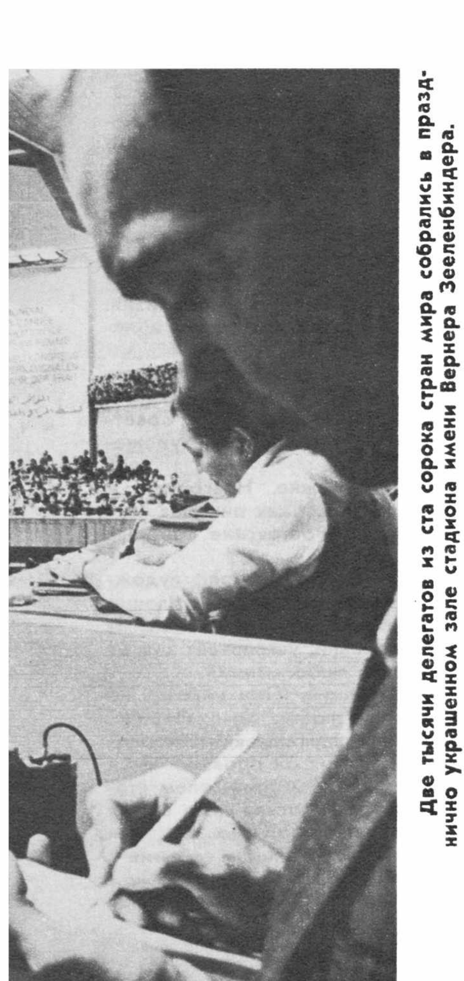
— Замечательное! Видели, как дружно и решительно осудили делегатки провокационное выступление американской феминистки? Вслед за ней слово взяла ее соотечественница, которая справед-

Руководитель советской делегации, председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова под аплодисменты зачитала приветственное послание конгрессу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

ШИТ ПЛАНЕТА

Две тысячи делегатов из ста сорока стран мира собрались в празднично украшенном зале стадиона имени Вернера Зееленбиндера.

Автографы на память о встрече с Анджелой Дэвис и Гладис Марин.

Анна Мария Моргадо: «Я чудом вырвалась из рук палачей».

ливо сказала: «Борьба за мир не отвлекает нас от борьбы за эмансипацию женщины, а, напротив, способствует ее успеху». Наша комиссия сегодня работает очень интересно. Мы получили много заслуживающих внимания предложений, и я думаю, что после конгресса над ними придется хорошо поработать.

Она говорит со мной по-русски, и я поинтересовалась, когда же она, чрезвычайно занятый человек, нашла время его выучить.

— О, я учу русский на протяжении всей своей жизни!

...Она родилась в маленькой живописной деревушке средней Финляндии в семье учителя народной школы. Уже подростком пришлось помогать семье, подрабатывая в каникулы в магазине. Студенческие годы были нелегкими — днем изучала иностранные языки, а вечерами работала. Думала, что, как и отец, станет учительницей, но попала на работу в международный отдел Министерства социальных вопросов.

— И вот тут-то у меня появилось такое количество вопросов, причем самых серьезных, ответить на которые я вначале не всегда умела.

— Что привело вас в ряды борцов за мир?

— Я всегда связываю две даты в своей жизни — 1946 и 1949 годы. В сорок шестом я стала коммунисткой, а спустя три года, когда был создан Всемирный Совет Мира, я представляла там Финляндию, страну, где движение борьбы за мир имело всегда самую широкую поддержку.

— Ваше представление о счастье?

— Борьба! Борьба во имя счастья не только личного, но общечеловеческого. Порой это требует от человека всех его сил, но какой интересной, какой осмысленной становится жизнь, когда ты находишь свое место в этой борьбе!

...Слушая ее ответы, я припомнила прочитанное в западногерманском журнале «Штерн» заявление врача-социолога из Скандинавии, 39-летней Эстер Вилар. Утверждая, что у женщин развитых европейских стран нет причин вести борьбу за социальные и политические права, она призывала посвятить Год женщины защите... прав мужчин! Не знаю, присутствовала ли она на этом конгрессе в Берлине и знакома ли с Марьям Туоминен американская феминистка, автор нашумевшей книги «Мистика женщины» Бетти Фридэн, но в единодушно принятых конгрессом призывах к женщинам мира были строки, начисто сметавшие все «тезисы» и «теории» подобных дам. Вот они, эти строки: «Подлинное освобождение женщины может быть достигнуто в результате национального и социального освобождения страны, ибо судьба женщин неразрывно связана с судьбой их народов».

Я рассказала только о двух встречах на берлинском форуме, который, как отметила Фрида Браун, только что избранная президентом Международной демократической федерации женщин, вписал замечательную страницу в летопись международного женского движения и могучего движения всех сил, ведущих борьбу за мир и общественный прогресс.

Берлин — Москва.

М. СОКОЛЬНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ЛИКУЮЩАЯ КРАСОТА ОТЧИЗНЫ

Творчество русского советского художника старшего поколения Константина Федоровича Юона выделяется глубоким своеобразием, а сам он — высокими гражданскими чертами личности.

Яркий живописный талант, чисто юоновская привлекательность красок, богатое жизненное содержание, внимание и интерес к народу... Мастер самобытных картин о русских старинных городах и природе России, поэт Москвы и нашей современности, чутко откликавшийся на значительные явления жизни Советского государства. А какое многообразие творческих приемов и техники: станковая картина, театрально-декорационная живопись, жанровые, исторические и пейзажные композиции, масло и акварель, рисунок и графика.

И над всеми качествами сверкает поразительное жизнелюбие, радостное чувство человеческого бытия, праздничное восприятие народной жизни. Во всех творениях звучит необычайная, беспредельная любовь к Родине, к России.

Константин Федорович Юон родился в Москве 24 октября 1875 года в семье страхового деятеля. Исторические сооружения времен Петра и Екатерины в Лефортове, где он жил в детстве, воспитывали интерес к памятникам архитектуры и древностям Москвы, а отсюда «углублялся интерес к историческому прошлому родной страны, к исконному быту и укладу жизни русского народа, к народным традициям, к поэтическому национальному колориту всей русской жизни», — скажет позднее художник.

После окончания реального училища Юон поступил учиться в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Он занимался у передвижника К. А. Савицкого, который пробудил его композиционное мышление, у А. Е. Архипова, увлекшего его тонкой разработкой колорита и личным примером служения искусству.

Ошеломляющее впечатление на учащихся производили передвижные выставки, покоряли картины мастеров русской школы живописи, которые Юон видел в Третьяковской галерее. Он и сам с большим успехом участвовал в ежегодных ученических выставках: его этюды нравились зрителям. Незабываемым событием на последнем курсе стали занятия у В. А. Серова. Они помогли сформироваться творческим убеждениям, укрепили реалистические приемы, мастерство. «Серову,— признавался Юон,— я обязан больше, чем кому-либо другому».

Время художественного развития Юона совпало со значительными событиями в искусстве. Конец девятнадцатого века был ознаменован расцветом живописи французских импрессионистов, в плен которой попала большая часть художников Европы. В импрессионизме подкупали новые приемы письма, свежесть живописи на пленере. Но импрессионисты ограничивались передачей только мгновенных впечатлений от натуры и не ставили задачи более глубокие и серьезные.

Увлечение Юона импрессионистами, однако, было временным: он брал от них только то, что обогащало палитру. «Тяготение к русским национальным формам,— говорил он,— образам родного прошлого, к идеям народного искусства, культивировавшимся передвижниками, являлось трезвым регулятором в моем сознании».

Ярким явлением искусства тех лет была петербургская группа художников, которая объединилась под названием «Мир искусства». Юона притягивала декоративная красота произведений «мирискуссников», но отталкивал аристократизм, идейная ограниченность их творчества.

В рядах передвижников тех лет Юон также не находил удовлетворяющей атмосферы: их искусство утратило свою былую содержательность, не видел он здесь и интересных живописных исканий. Зато он тесно сближается с живописцами, образовавшими с 1904 года «Союз русских художников». Их ежегодные выставки, устраивавшиеся в Москве и Петербурге, быстро завоевывают популярность.

В состав союза входили лучшие художники предреволюционной России — Архипов, Константин Коровин, Сергей Иванов, Степанов, Жуковский, Рылов, Кустодиев, Туржанский, Петровичев и другие. Очень верно сказал Юон, ставший членом союза: «Печать московской живописной культуры, тяготевшей к полноценной реалистической правде, лишенной какого-либо стилизаторства и искавшей национального колорита, отличала его лучших мастеров».

Константин Федорович скоро занял положение одного из видных русских живописцев. Определилось его творческое лицо, наметились оригинальные черты живописной индивидуальности. Картины старинных русских городов с юоновской привлекательностью, яркостью, красочностью показывали национальную красоту России. Художник покорял неповторимым своеобразием.

Великая Октябрьская революция внесла в творчество мастера новые темы, обогатила его новыми идеями. Сначала Юон отдал дань символическим композициям, таким, как «Люди» и «Новая планета», но скоро его внимание заняли картины идейно-тематического содержания. Многие явления истории и современные события увлекли пылкого душой художника. В его архитектурных пейзажах стало чувствоваться дыхание революционных событий («Штурм Кремля в 1917 году», «Вступление в Кремль через Троицкие ворота»). Появляются и такие картины актуального содержания, как «Проводы рабочих отрядов на гражданский фронт», «Праздник кооперации в деревне», серия полотен о Подмосковье. Его творчество все больше наполнялось социалистическим содержанием, он стал активным деятелем советской художественной культуры.

«Самое большое значение в течение всей жизни имела для меня любовь к Родине... Любовь не только к ее природе и городам, но и к народу с его историей, бытом, творчеством»,— говорил Юон.

Первый период творчества мастера — это в основном картины, посвященные старинным городам России. Большинству их предшествовали длительные поездки. Зачарованный красотой исторических древностей Юон жадно наблюдал в тех местах, где ему пришлось побывать, и современную жизнь, которая бурлила тут же, рядом — на городских улицах, в толпах крестьян на базарах. В итоге возникают пейзажно-жанровые картины; в них преобладает изображение национальных архитектурных памятников и ансамблей. Начало положили поездки в Нижний Новгород. Но именно в Загорске, бывшей Троице-Сергиевой лавре, он нашел то, что грезилось воображению. «Я чувствовал себя влюбленным в очаровавший меня мир сказочной красочности»,— писал художник.

Цикл картин, посвященный ансамблям этого города, создавался периодически, начиная с 1903 года вплоть до 1922-го. С начала десятых годов Юон пишет их в ликующие солнечные дни, когда все сияет ослепительным светом и природа находится в праздничном, радостном состоянии. О, как буйно передает художник это торжество жизни, как «звенит» тут русская народная красота! Посмотрите на полотно «Купола и ласточки», которое воспроизведено на цветной вкладке. В нем очаровывают воздушность и тишина, та солнечность, которая характерна для картин этого цикла. Некоторые работы Константин Федорович исполнял в технике чистой акварели и достигал в них исключительной живописности.

В этих произведениях определился тот стиль, который придал искусству Юона самобытные черты и которым он выделился на выставках союза. Это было гармоническое сочетание ярких локальных красок, близких к краскам народного искусства, с которым художник тесно соприкасался. В картинах Юона виделась прорисованность всего полотна, царило широкое, глубокое пространство. А главное — во всем чувствовалась русская национальная красота, радостное ощущение жизни. Среди современников мастер был ближе всего к Кустодиеву и недаром называл его «двоюродным братом по искусству».

Юон заставил зрителей по-новому увидеть национальную прелесть небольших городов и беззаветно полюбить дивные памятники архитектуры. В наше время эти места стали предметом забот Советского государства и превратились в излюбленные сокровища художественной культуры страны.

Юон писал и в Ростове Великом, в Угличе, Торжке, Новгороде и Пскове. По его признанию, «хотелось писать картины, как пишутся песни». Из созданных здесь полотен запоминаются «Ростовские соборы» и «Тройка в Угличе».

Многие произведения создавались прямо с натуры. Биограф художника Я. Апушкин свидетельствовал: «Он работает на улицах и площадях, располагается с «комфортом»: устанавливает мольберт, щиты от ветра, табурет, приносит с собой колышки и веревки, устраивает вокруг себя ограждение, спасаясь от напирающей толпы любопытных».

Отдав дань в своей живописи русской провинции, Юон никогда не обходил вниманием родной город. Москву он любил самозабвенно. В дореволюционные годы получили известность картины «Москворецкий мост. Зима» и «Лубянская площадь», в которых он проявил себя не только мастером архитектурного пейзажа, но и бытописателем столицы, широко показывая ее жителей. Писал Юон Москву и во время Октябрьской революции. Впоследствии он создал полотно «Штурм Кремля в 1917 году»—произведение, запечатлевшее великое событие с

К. Юон. 1875—1958. ПАРАД КРАСНОЙ АРМИИ. 1923.

К. Юон. МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ. 1915.

Государственная Третьяковская галерея.

большой силой исторической правды и художественной выразительностью.

В 1942 году Юон написал картину «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Художник всем сердцем переживал тяжелые испытания, выпавшие на долю столицы. Глубоко осмыслив значение парада, он видел в нем символ исторического подвига народа. Картина создана в сине-серой гамме. Был мороз, город выглядел безмолвным, как бы затаившим дыхание. А вышедшие на площадь воинские части (по окончании парада они двинутся на боевые позиции) стояли, словно монолит, полные внутренней напряженности. Их сердца бились в унисон, единой верой в разгром врага.

Одним из последних живописных произведений Юона стал пейзаж «Утро индустриальной Москвы» (1949 год). Показанная в монументально-эпическом плане, столица представала в эти утренние часы деловой, полной трудового энтузиазма.

К теме старых городов постепенно прибавлялись и картины, посвященные природе России. Этому способствовало изменение в личной жизни художника. В 1900 году он женится на крестьянке подмосковного села Лигачево Клавдии Алексеевне Никитиной. Впервые попав в это село, Юон был так пленен его красотой, что решил здесь обосноваться и выстроил дом-мастерскую.

Как Бёхово для Поленова, Свистуха для Сергея Иванова, Прислониха для Пластова, так для Юона Лигачево стало полюбившейся на всю жизнь родной землей; здесь он нашел образ пейзажа России, воспел в своих полотнах Подмосковье.

В Лигачеве Константин Федорович писал картины из сельской жизни, но «художественное счастье», самые дорогие переживания заключались в общении с окружающей природой. Особенно много у мастера зимних картин: царство снега, зимний воздух давали ему неизъяснимые наслаждения.

В отличие от городских пейзажей произведения Юона, посвященные зиме, лишены пестроватости цвета, локальные краски заменяются в них лессировками, мягкими переходами тонов. Таковы его полотна «Русская зима», «Волшебница зима» и «Зимний рассвет». В этой последней картине мастер приоткрыл тайну медленного, тихого утреннего пробуждения природы.

Шедевр его пейзажной живописи — «Мартовское солнце» — написан в 1915 году. Это полотно уверенно стоит в одном ряду с лучшими картинами русской классики — с произведениями Левитана, Поленова, Грабаря. Этой изумительной картиной нельзя любоваться короткими минутами — она покоряет цельностью и глубиной содержания, законченностью исполнения. «Мартовское солнце» вызывает поток чистых, светлых воспоминаний о красоте природы, душа наполняется безмерной радостью, счастьем жизни. В ней нет и намека на этюдность живописи, которая составляла заметную принадлежность картин К. Коровина и других товарищей Юона по союзу.

В «Мартовском солнце» земля еще покрыта снегом, но уже пришла «весна света», ею пронизано все пространство картины. Жанровая сценка на краю косогора, откуда вниз по тропе движутся на крестьянских лошадках мальчишки, не отвлекает от пейзажа, а органически сливается со всем изображением в одну песню о весне. Стволы тополей и берез на переднем плане дают свой ритм пейзажу, а узоры их ветвей сплетаются в причудливый рисунок.

Что касается других времен года, то у Юона есть поэтичные картины лета («Приволье»,) весеннего утра («Майское утро. Соловьиное место»), августовского заката, когда последний луч солнца освещает интерьер террасы в Лигачеве («Августовский вечер. Последний луч»).

Своеобразие художника сказалось и в портретном жанре. Портреты он выполнял в технике карандаша и не пользовался светотенью — в их основе лежало линейное решение. С поразительной точностью Константин Федорович передавал сходство с натурой, характер, особенности человека. Он создал целую галерею известных портретов деятелей советской литературы, науки, искусства: академика Н. Зелинского, основателя театрального музея А. Бахрушина, артистов А. Коонен, В. Пашенной, Е. Турчаниновой, А. Южина, писателей Л. Леонова, Вс. Иванова, Н. Асеева и других.

Очень большое место занимало в творчестве Юона театрально-декорационное искусство. Его имя входит в историю русской сцены как замечательного мастера ее оформления. О Юоне-декораторе можно писать целые книги. С первых лет Октября он был постоянным художником Малого театра, где оформил большинство лучших пьес Островского. В Художественном театре он работал с К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко («Ревизор» Гоголя, «Егор Булычов и другие» Горького). В последние годы жизни художник создал декорации к нескольким постановкам в Театре имени Е. Вахтангова.

Работа Юона давала богатый материал для творческих раздумий самим актерам, которым надлежало действовать в спектаклях, им оформленных. Сохранились воспоминания В. Пашенной, игравшей роль жены старого богатого купца Каркунова в пьесе Островского «Сердце не камень». Роль этой женщины была очень трудной и долго не давалась артистке. Но вот она увидела декорации Юона, и произошел перелом.

«Уже на одной из предпоследних репетиций,— вспоминала Пашенная,— я вышла в полутемный зрительный зал и увидела на сцене чудесный вид старой Москвы, древние стены монастыря, тихие раскидистые деревья и непередаваемый «воздух» далекой панорамы Замоскворечья. Я увидела себя, идущую около ограды, входящую в низенькую церковную дверь, почувствовала страшное одиночество молодой женской души...

Прекрасный художник К. Ф. Юон своим талантом, своей подлинной жизненной правдой помог мне найти ключ к образу. Его искусство заставило меня забыть мои личные сценические навыки и приемы».

Юон возмущался выкрутасами конструктивистов и экспериментами левых режиссеров, модернизировавших классических драматургов. Художник-реалист, он вносил в декорации глубокий смысл, четко выражал индивидуальный стиль авторов пьес. Его живопись для театра отличается национальным своеобразием и особой, юоновской прелестью красок. Из оперных произведений он великолепно оформил «Бориса Годунова» и «Хованщину» Мусоргского, «Ивана Сусанина» Глинки.

Высокообразованный художник, Константин Федорович умел сочетать кипучую творческую работу с большим трудом педагога и общественными делами. В 1900 году, когда ему было всего двадцать пять лет, он создал в Москве свою художественную школу. Через нее прошло более трех тысяч человек, одновременно в ней занимались двести учащихся. Официальной программы не существовало — занятия велись по группам, определяемым степенью подготовки. Его ученики всегда восторженно вспоминали школу Юона на Арбате, многие из них стали известными мастерами советского искусства. В. Мухина и А. Куприн называли время учебы у Константина Федорозича незабываемым.

В советский период педагогическая деятельность Юона приобрела новый, массовый характер. С 1936 года он становится руководителем студии ВЦСПС, в которой преобладали дети рабочих; многие из ее воспитанников вступили в члены Союза художников. Константин Федорович принял участие в создании Студии инвалидов Отечественной войны. Ее ученики, получившие на войне тяжелые ранения и инвалидность, возвращались к занятиям искусством духовно возрожденными.

К. Ф. Юон был народным художником СССР, академиком, а в последние годы являлся директором Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР. Активное участие в различных конференциях и совещаниях, многочисленные доклады и статьи по различным вопросам искусства снискали Константину Федоровичу исключительный авторитет. В 1951 году он вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В нынешнем году Советская страна отмечает столетний юбилей Константина Федоровича Юона. Его произведения, занимающие почетное место в музеях, знает и любит народ. Он вошел в наше искусство как классик советской живописи, обогатив его замечательными творениями.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. З. ШВЕДОВА

ПЕВЕЦ ОРЛИНОГО ПЛЕМЕНИ

На обложке одной из многочисленных книг известного советского поэта Якова Захаровича Шведова, отмечающего свое семидесятилетие, изображен спутанный веревками, но гордый и весь устремленный вдаль юноша в красноармейской длиннополой шинели. Это фотография памятника героям-комсомольцам гражданской войны, возведенного в городе металлургов и тракторостроителей — в Челябинске. Прообразом легендарного комсомольца, поднятого уральцами на высокий пьедестал, послужил герой чудесной песни Якова Шведова «Орленок».

Четырнадцатилетним подростком пришел Яков Шведов в дружную трудовую семью московского металлургического завода «Серп и молот», в 1919 году вступил в комсомол. Очень немногие знают, что свой творческий путь поэт начинал с прозы. Между тем на его первые произведения обратил внимание А. А. Фадеев.

Двадцатые годы были памятны для Якова Шведова и выходом в свет двух поэтических сборников — «Шестеренные перезвоны» и «Березовые окраины». Вскоре молодежь запела его песни.

Творчество воспитанника «Серпа и молота» Я. Шведова явилось заразительным примером для рабочей молодежи, пробующей свои силы в литературе. Заводское творческое объединение «Вальцовка» вырастило немало профессиональных литераторов, и в каждого из них вложена душа прекрасного наставника Якова Захаровича Шведова, никогда не порывавшего сыновней связи с прославленным заводом.

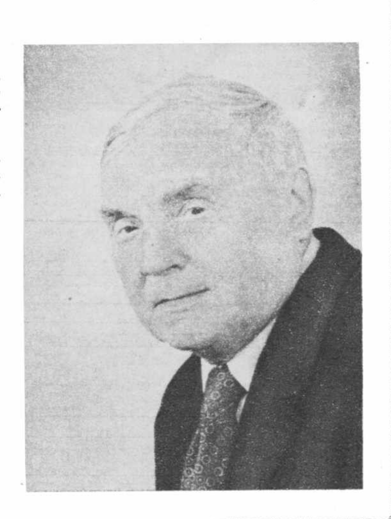
Стихи поэта ясны и доходчивы, искренни и напевны, недаром многие из них привлекли внимание известных советских композиторов — и песни Шведова звучали все шире и громче. Кому не известны, например, такие из них, как «Смуглянка», «Рос на опушке рощи клен», «Не улетай, лебедушка!». А сколько его строевых песен поет наша Советская Армия!

На Великую Отечественную войну Шведов ушел солдатом, а закончил боевую службу полковником. Он кавалер трех боевых орденов, обладатель медали «За отвагу», которую заслужил в первые дни боев за Родину.

Поэзия Якова Шведова посвящена людям, озаренным ленинской правдой, людям ратного подвига и созидательного труда. Эпиграфом ко всему глубоко партийному творчеству Якова Шведова можно с полным правом взять его превосходные строки:

У власти орлиной орлят
миллионы,
И нами гордится страна.

Александр ФИЛАТОВ

А. СОФРОНОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Более десяти лет тому назад, впервые оказавшись в столице Киргизии, в городе Фрунзе, я писал в статье, называвшейся «Ладони твоих братьев»: «Удивительное чувство охватывает тебя, когда ты переступаешь порог Киргизского университета. Многотысячный коллектив студентов заполняет его аудитории. Юноши, девушки разных национальностей — все они собрались здесь под одну крышу».

Сейчас, перечитав эти строки, я подумал: а что изменилось во Фрунзе, что изменилось на этой поразительно красивой, мужественной и поэтичной земле Киргизии!

...Золотой сентябрь. Голубые дали гор. Белоснежные их вершины и этот как-то удивительно широко спланированный город с его зелеными улицами, которые продолжали оставаться словно бы весенними, несмотря на все, что уже, казалось, в эти последние дни сентября мало могло соответствовать радостному настроению, охватывающему вас, когда вы попадаете во Фрунзе.

Древний эпос «Манас» повествует о богатырях: о тех, кто прославил в давние времена народ Киргизии, кто привил многим прежним поколениям киргизов и всем тем, кто сейчас живет, работает, учится и создает новое на этой земле, чувство героизма, великое чувство преданности своей Родине. Древний эпос как бы заново звучит теперь, в те самые дни, когда мы снова оказались на древней и вместе с тем такой молодой земле Киргизии. Пожалуй, трудно придумать что-либо лучшее, чем то, что именно новый аэропорт, который уже действует и вместе с тем продолжает строиться, получил легендарное имя Манаса. Едва вы покинете аэропорт и выберетесь на ведущую в город широкую асфальтированную дорогу — она тоже еще строится,— и вы поймете, насколько это уже сейчас красиво и как будет еще красивее, когда вдоль новой дороги протянутся деревья, богато представляющие природу Киргизии.

Мне повезло: я вторично оказался в стенах Киргизского государственного университета, который в будущем, 1976 году отметит свой 25-летний юбилей. 24 мая 1951 года Совет Министров СССР, отозвавшись на просьбу правительства и Центрального Комитета Компартии Киргизии, принял постановление о создании в городе Фрунзе Киргизского государственного университета на базе педагогического института. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Турдакун Усубалиевич Усубалиев говорил: «Открытие университета является новым ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики».

Вот и произошла эта новая встреча со студентами и преподавателями университета, среди которых мы, как и в прошлый раз, увидели киргизов, русских, украинцев, казахов, грузин, армян, представителей других национальностей, студентов филологического, исторического, биологического, механико-математического и других факультетов.

Есть что-то сокровенное в этой молодости, в разноголосье, удивительно веселом настрое, оптимизме и вместе с тем в серьезности молодых людей, питомцев университета.

Конечно же, нам, литераторам, особенно близки те, кто имеет прямое отношение к художественному творчеству. Надо ли говорить о литературе Киргизии, прекрасных писателях республики, о Чингизе Айтматове, который является гордостью не только киргизской, но и всей советской литературы и хорошо известен далеко за пределами нашей Родины. В 1975 году во Фрунзе вышла интересная книга доктора филологических наук, профессора Евгения Озмителя «Киргизская литература и современный литературный процесс». Книга эта написана популярно, в ней анализируется киргизская литература в сравнении и во взаимоотношениях с другими советскими литературами. Уже сама такая направленность книги говорит о зрелости киргизской литературы:

«Вбирая в себя лучшие достижения братских литератур,— пишет Евгений Озмитель,— она (киргизская литература.— А. С.) вносит все более ощутимый вклад в богатое художественное разноцветье эстетически единой многонациональной советской литературы.

В этом убеждает получившее всемирное признание творчество Ч. Айтматова. Об этом свидетельствуют лучшие произведения таких современных киргизских писателей, как А. Токомбаев, К. Баялинов и Т. Сыдыкбеков, У. Абдукаимов, Т. Касымбеков и С. Саткынбаев, К. Ка-

Гостиница «Кыргызстан».

МОЛОДО

СТЬ КИРГИЗИИ

Студенты университета.

имов, Т. Уметалиев, К. Маликов, А. Токтомушев, М. Джангазиев, С. Джусуев, С. Эралиев, Т. Кожомбердиев, М. Абылкасымова, и многих других. Их творческими усилиями, как и творческой работой собратьев по перу других национальных советских литератур, складывается и энергично развивается новаторская эстетическая система социалистического реализма, в которой все более эффективную роль играет такое ее неотъемлемое качество, как идейно-эстетическое единство многонациональной советской литературы».

Думается, что с утверждением автора должно согласиться.

Можно еще и еще раз вспоминать стихи одного из зачинателей киргизской поэзии, Аалы Токомбаева:

Я подошел к раскрытому окну,
Я увидал небес голубизну,
Сверкающую радугой росу,
Земли и неба вечную красу,
Казалось — за туманной пеленой
Раскрылась книга жизни предо мной.

Не могу не вспомнить также и стихи Сооронбая Джусуева, сравнительно еще молодого поэта, пытливо пробивающегося по горным тропам поэзии.

Ты впервые в гостях у нас, друг дорогой,
Перед собой Ала-Тоо ты видишь впервой.
Знай, по миру немало поездил и я,
Есть и земли получше, да не сыщешь такой...
И не только сегодня при вешней заре
Вечна песнь Ала-Тоо, как высь в серебре.
Не дивись, что поэтов здесь много, мой друг.
Знай, что песни сокрыты здесь в каждой горе,
И не зря ведь в сердцах пробуждается стих,
Если сотканы горы из песен самих.

...Вдали от Фрунзе заканчивается строительство Токтогульской ГЭС. Это легендарное сооружение в горном ущелье еще скажет свое веское слово в энергетическом балансе нашей Родины. Все это еще впереди. Но уже сейчас доходят и сюда, во Фрунзе, и далеко за пределы Киргизии те новые интернациональные традиции, которые рождаются в горах республики.

Новое!.. Всюду новое, это, пожалуй больше всего впечатляет. Прежде всего сама столица. С каким-то особым чувством рассказывал мне о строительстве Фрунзе, о принципах этого строительства Турдакун Усубалиевич Усубалиев, знающий не только каждый квартал, но буквально каждый новый дом. Слушая его рассказ, я невольно думал: какое же счастье быть партийным работником, так любящим свою землю, своих людей, из года в год отдающим все свои силы и талант процветанию республики, воспитанию молодежи в духе братства и взаимного уважения народов.

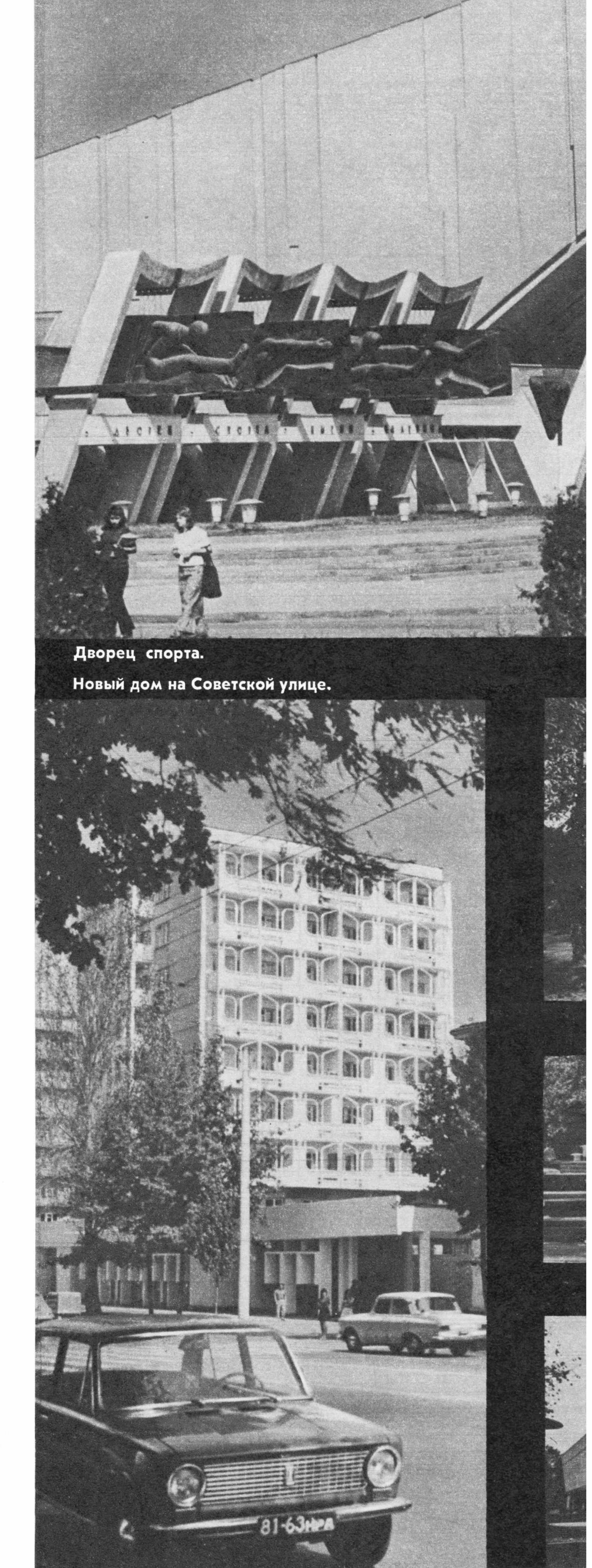
Новое!.. Как приятно входить в здание Киргизского академического театра драмы! Я помню, хорошо помню старое здание театра, мест на триста с небольшим. И тогда был хороший театральный коллектив. А сейчас, входя в это очень продуманно построенное здание, видишь, как хорошо здесь все предусмотрено: просторный зрительный зал, красивое фойе, удобные служебные помещения. Все сделано для того, чтобы и зрителю и актеру было приятно. На одном из спектаклей театра я порадовался дальнейшему совершенствованию мастерства актеров, изобретательности и живости постановки. Сейчас актеры готовят новый спектакль — «Отелло». Думается, что он станет еще одной творческой ступенью в работе талантливого коллектива.

Новое!.. Мы в здании художественного музея. В просторных залах собраны работы и старых художников Киргизии и новой, молодой поросли. Зал картин талантливого певца Киргизии, народного художника СССР С. А. Чуйкова. Многие из его картин мы знали и раньше, но, оказывается, есть еще и такие, которые требуют, чтобы они были воспроизведены в книгах и журналах, чтобы массы зрителей познакомились во всей полноте с творчеством русского художника, вобравшего в свои произведения все многоцветье красок Киргизии. Именно здесь, в стенах музея изобразительных искусств, и возникла мысль о том, что давно пора бы нам представлять в периодических изданиях не только отдельных художников той или иной республики, но объединяя их, собирая, так сказать, подобно антологиям.

Да, молод город Фрунзе, сердце республики. Но в этом сердце живет вечная память о тех, кто составил славу Киргизии, кто шел вместе с Владимиром Ильичем Лениным в годы революции и гражданской войны. Поэтому так радует новый музей Михаила Васильевича Фрунзе. Просторные залы, продуманная экспозиция и мастерски вобранный в стены музея старый дом, в котором когда-то жила семья Михаила Васильевича.

Так и остается в твоем сердце песня о новой Киргизии, о ее вечной молодости, о ее могучих орлиных крыльях:

Опять Киргизия!
Опять ее просторы,
Застывшие, как стражи, тополя,
Повитые осенней дымкой горы,—
Открытая, душевная земля!
Свидание с друзьями, как бывало,
Не в первый раз, уже не в первый раз...
И кажется, звенит, гудит обвалом
Не только древний —
нынешний Манас.
Он пишется в горах и на равнинах,
И главы новые идут строка к строке,
И видится Манас
сказаньем дивным
Встреноженной, как конь,
седой реке!
Киргизия!
Лишь стоит прикоснуться
К тебе рукой,
Увидеть зори глаз,—
Как в сердце вдруг возьмут
и встрепенутся
Степные песни,
нынешний Манас.
Киргизия!
Тебе я сердце отдал
От всех друзей,
кто друг тебе и брат,—
И слово, что звучит без перевода,
Понятное для всех: рахмат тебе, рахмат!

Дворец спорта.

Новый дом на Советской улице.

Музей М. В. Фрунзе.

Аллея Героев.

Государственный музей изобразительных искусств.

У памятника генералу И. В. Панфилову.

Александр НИКОЛАЕВ

И ВЕЧ

РАЗДУМЬЯ

А. Николаев, 1943 год.

В мою московскую квартиру
они пришли ночной порой,
бесшумно встали по ранжиру,
бесшумно выровняли строй.
Они пришли, как входят в повесть
дела давно минувших дней,
пришли, как память или совесть
солдатской юности моей.
Теперь, когда мы вместе снова,
когда беседуем опять,
позволь мне, Родина, два слова
тебе, как матери, сказать.
Скажу слова святые эти
я не бахвалясь, а скорбя:
был пред тобой за них в ответе,
теперь — пред ними за тебя!
Они вернулись с поля брани,
где пухом стала им земля,
сквозь надолбы воспоминаний
и через минные поля.
А вновь пройти путем солдата —
нелегкий и опасный труд:
вот тут я был убит когда-то,
вот тут мой друг погиб,
вот тут...
Не жди от памяти поблажки.
Нелегкий выдался денек.
Нам старшина из мятой фляжки
налил наркомовский паек.
Вдруг стало тихо, как в казарме,
когда берут «на караул»:
ведь он на Наревском плацдарме,
на переправе утонул.
Связист, взорвавшийся на мине,
сверкнувший, словно фейерверк,
Курман непьющим был доныне
и ныне свой паек отверг.
Блондин, разведчик грубоватый,
сраженный пулей прямо в лоб,
рукой широкой, как лопата,
две кружки звонкие загреб.
Уже я выпил горькой водки,
уже солдаты голосят:
— Старшой, вам сколь?
— Мы одногодки.
Теперь и мне под пятьдесят.

Вдруг укорил меня наводчик:
— Погибли мы в одном бою,
но я увидел, между прочим,
что ты совсем в ином раю.
Сказал не просто, а со злобой:
— Нет, со стыда ты не сгорай.
Наверно, есть у вас особый,
какой-то офицерский рай?
— Отставить эти разговоры!
Такого не было в войну.
Нам вместе вырыли саперы
могилу братскую одну.
Но с прямотою
с той, солдатской,
что не встречал я тридцать лет,
он произнес:
— В могиле братской
тебя, однако, с нами нет.
— Не беспокойся, все там будем,
в объятьях матери-земли.
Пока спасибо добрым людям
и чуду, что меня спасли.
В его лице землисто-сером
живой огонь возник опять:
— Нет, ты, старшой, был офицером,
тебе солдата не понять...
Но мне ли не понять солдата?
Солдат, убитый наповал,
не знал того, что я когда-то
молитвой взводного назвал.
В молитве жуткое есть что-то,
как пистолет прижать к виску
или увидеть, как пехота
опять готовится к броску.
А металлический кузнечик,
строчит фашистский пулемет,
и мне оправдываться нечем:
огонь его не достает.
К каким еще прибегнуть мерам?
Уткнувшись мордою в траву,
«Зачем я создан офицером?» —
не обратиться ль к божеству?
Залег бы я сейчас в воронке,
держа под боком автомат.
А будут чьи-то похоронки,
так в этом я не виноват.
Мне тоже жизнь всего дороже.
Когда рискует рядовой,
то он в бою рискует все же
одной, своею головой.
А тут, чтоб в бой поднять пехоту,
ты вскочишь:
— Взвод, за мной, вперед!
И сразу рядом вскрикнет кто-то,
а кто-то молча упадет.
У командира батальона
печаль в морщинках возле глаз,
рокочет в трубке телефона
приказа властный грозный бас:
— Предупреждаю напоследок,
коль не поднимешься теперь,
я сам тебя, растак-разэдак...
Бой не бывает без потерь.
Да разве я жалел резервов,
чтоб твой пополнить батальон?

И в бой комбат поднялся первым
и первым пулей был сражен.

— Ты относился к нам добрее,
но это все пошло не впрок,
когда погибла батарея
на перекрестке двух дорог.
— Мы оседлали перекресток...
— Но ты забыл, что до того
из леса выбежал подросток
и ты, старшой, убил его.
— Нет, не забыл.
Вот в чем загвоздка.
Ты бередишь былую боль.
Да, я убил.
Но не подростка,
а фаустника, вот в чем соль!
Я был лишь года на три старше
того немецкого юнца.
Подкараулив нас на марше,
какого мог он ждать конца?
Тебе ль быть добреньким патроном,
когда он, прыгнув под откос,
противотанковым патроном
тебя с орудием разнес?
Захоронив твои останки,
мы окопались до зари.
Тогда на нас и вышли танки,
а пушек было только три.
У тихой польской деревушки
и разгорелся инцидент,
но как твоей четвертой пушки
нам не хватало в тот момент!
— Нет, ты скажи мне все же:
он
держал какую оборону,
чем парень был вооружен,
когда остался без патрона?
— Ничем, он кинулся бежать.
Мешали полы плащ-палатки.
Упал.
Цветная рукоять
ножа
торчала у лопатки.
— Скажи, не покриви душой,
вот мы, твои однополчане,
интересуемся:
старшой,
и ты спокойно спишь ночами?
— Не так сплю,
как кум королю,
что не прошел бои и войны.
Я иногда совсем не сплю.
Но если сплю, то сплю спокойно.

— Но, откровенно говоря,—
он вновь повел меня по минам,—
тогда погибли мы не зря?
Ведь дело прошлое, скажи нам.
— Я приезжал туда потом.
Да вот недавно не впервые
опять смотрел на месте том,
где были наши огневые.
Вдруг что-то сделал я не так,
предвидеть что-то не умея?
Вдруг смог воспользоваться враг
ошибкой, глупостью моею?
— Нет, я не о твоей вине,
все знаем, сами же вояки.
А как дела там, в той стране,
как к нам относятся поляки?
— Поляки ценят ратный труд
и подвиг русского солдата,
и вашу дружбу свято чтут,
и память сохраняют свято.
Мы слышим рядом их шаги.
Насколько их сумел понять я:
кому враги — тому враги,
кому друзья — друзья и братья.

Другой солдат с укором говорит:
— Погибли мы, чтоб мирно спали дети,
а где-то, слышим, все война гремит,
знать, не везде спокойно на планете?
А где война, ты рассказал бы нам,
поблизости от нас или далече?
И вспомнил я, как ездил во Вьетнам,
что за война, какие были встречи.

Солдат Свинцов, он выпил спирт-метил
(когда пью спирт,
с тех пор всегда я трушу),
меня спросил:
— Ты после посетил
мою Козьмодемьянскую Криушу?
Есть на душе посмертная печаль.
Меня, старшой, представил ты к медали,
но не успел я получить медаль,
а сыну моему ее отдали?
Я отчитаться был бы рад,
когда бы парню скрасил детство,
но, к сожалению, наград
не отдавали по наследству.
Не будет оправданья мне,
но все же правду не нарушу:
я не пришел к твоей жене
в Козьмодемьянскую Криушу.
К ней собралась бы вся родня,
себя бы я не пересилил,
не смог сказать бы:
— За меня
погиб ваш муж Свинцов Василий.
Взвод управления набрел
на тихий, мирный домик прусский.
Хозяин выставил на стол

НЫЙ БОЙ...

вино и разные закуски.
Мы оценили эту прыть
и щедрость редкую на слово,
но что-то не сумел он скрыть
от глаз разведчика Свинцова.
Пока болтал он без конца
о том, что любит нас до гроба,
с его домашнего винца
была снята Свинцовым проба.

Как эту смерть мы назовем?
Самоотверженный поступок?!
А кто-то мне сказал о нем,
что мой разведчик умер глупо.
И растерял я весь запал,
когда к какой-то круглой дате
перед юнцами выступал
в Тамбовском облвоенкомате.
Среди остриженных голов
призывников военкомата
решил досужий острослов,
что у него ума палата:
— Вы нам рассказывали тут,
а может, что-то я прослушал,
мою деревню так зовут —
Козьмодемьянская Криуша.
Допустим, если взвод он спас,
сам за других погиб от яда,
тогда, как водится у нас,
его увековечить надо.
Он, говорите, пил вино?
Так лично я, как местный житель,
его бы именем давно
назвал криушский вытрезвитель.

Он двинул памяти под дых,
чтобы прослыть за острослова.
Вот у таких у молодых
нет в жизни ничего святого.

Сказал разведчик:
— Спору нет,
им не знакомы наши беды,
кому семнадцать — двадцать лет
в тридцатилетие Победы.

И вспомнил я, как ученик,
круги под синими глазами,
в метро к учебнику приник,
на выпускной спешил экзамен.
Склонились в позе деловой
сосредоточенные лица
над исторической канвой,
хронологической таблицей.
В таблице даты, имена,
событья важного значенья,
среди которых и война —
объект, достойный изученья.
И вовсе нет моей вины,
что я подслушал их беседу,
где из важнейших дат войны
был назван только День Победы.

И я сидел, глядел в окно.
Как быстро вырастают дети!
А тот июнь был так давно,
когда их не было на свете.
И, вероятно, иногда
мы в чем-то их не понимаем,
поскольку жили в те года,
когда июнь был перед маем.
Его мы помним хорошо.
Стояла жаркая погода.
А за июнем
май пришел,
когда прошло четыре года.
Они шумели все подряд,
но вдруг затихли, и тогда-то
промолвил кто-то из ребят:
— Взгляните, братцы, что за дата!
Вот в хронологии страны
какие годы боевые,
но тридцать лет мы без войны
живем в истории впервые!

И мне приятно стало вдруг:
мир от Камчатских гор до Буга!
В том вроде нет моих заслуг,
но в то же время есть заслуга.
Хоть путь порою был и крут,
как реки в море, в эти годы
и мой, пускай и скромный, труд
вливался в труд всего народа.

И я горжусь своей судьбой,
своей страной,
своей столицей,
по духу мне их вечный бой
и их покой, что только снится.
Услышал я, когда спешил,
к дверям протискиваясь бойко:
— Как хорошо, что класс решил
всем вместе выехать на стройку!
А паренек, нахмурив лоб,
как бы какой-то спор итожа,
сказал:
— Но мы добьемся, чтоб
мать отпустила Зою тоже!

Какая радостная весть,
как будто праздник мне подарен:
раз среди них и Зоя есть,
то есть Матросов и Гагарин.
Увидел я перед собой
сосредоточенные лица
ребят, начавших вечный бой.
Пускай покой им только снится.

Рассказал друзьям про это,
жду, что скажут мне в ответ.
Огляделся:
час рассвета,
никого со мною нет.
Предо мною только фото.
Может, дальняя родня?
Незнакомый смотрит кто-то,
не похожий на меня.

Гимнастерка цвета хаки
и ушанка со звездой.
Но у этого вояки
вид не бравого рубаки:
парень больно молодой.
И не стреляный ни разу:
Нет морщин и нет седин.
Есть два уха и два глаза,
две ноздри и нос один.

Кто-то мне промолвил грубо:
— Паренек — не то, что ты!
Нецелованые губы,
юношеские черты.
Из-под шапки вьется волос.
В общем, славный паренек! —
Это внутренний мой голос,
голос памяти изрек.—
Приглядись к нему скорее,
неужели ты забыл,
он в гвардейской батарее
командиром взвода был.
Вот его доставил «виллис»,
а бывалые бойцы
все по возрасту годились
лейтенантику в отцы.
Он им явно не по вкусу.
Ну, зачем он принял взвод,
этот тихий и безусый,
что не курит и не пьет?
Все о нем разведал сразу
разбитной солдат — блондин:
— Эх, два уха и два глаза,
две ноздри, а нос один!
Только сразу
поневоле
начала война учить.
Шли однажды через поле,
а пройти такое поле
все равно, что жизнь прожить.
Снайпер щелкал, но неметко,
так как бил издалека,
И связисты и разведка
шли почти наверняка.
Но, дойдя до середины,
встал как вкопанный блондин:
— Посмотри, старшой, тут мины...
Верно, колышки от мин.
Взводный мог сказать, примерно,
мол, семь бед — один ответ,
вы вперед шагайте первым,
мы пойдем за вами вслед.
Все бы вышло по приказу,
как велит ему устав,
и никто б ему ни разу
не сказал, что он не прав.
Надо только в поле жутком
над сюрпризами врагов
растянуться
с промежутком
в тридцать — тридцать пять шагов.
Дальше — вроде лотереи:
у кого какой билет.
Первый выяснит скорее,
проиграл он или нет.
Потому и сник задира.
Но раздался за спиной
властный голос командира:
— С интервалом,
взвод, за мной!
Только снайпер не промазал.
Капля крови чуть видна,
и блондин закрыл два глаза.
Голова была одна.

Так, разглядывая фото,
я всю ночь курил, не спал,
и за этою работой
утром сын меня застал.
Лапой карточку зацапал,
смял потертые края:
— Это что за мальчик, папа?
— Где тут мальчик?
Это я!
Ты, я вижу, парень прыткий,
у тебя в пятнадцать лет,
словно марка на открытке,
на ладони мой портрет.
Проводил глазами детку:
ничего себе сынок!
Через года три в разведку
я такого взять бы мог.
А пока промолвил фразу,
ту, что помню до седин:
— Эх, два уха и два глаза,
две ноздри, а нос один!

Говорят: отцы и дети!
Даже спорили не раз.
А сегодня на планете
вырастают наши дети
и быстрей и выше нас.
Пусть себе отцы-солдаты
в утешенье говорят:
экскаватор — сын лопаты,
внук винтовки — автомат.

ЖЕНЩИНЫ

Н. ХРАБРОВА

Облетают золотые листья деревьев и белые листки календаря — подходит к концу посвященный нам, женщинам, год.

Четырнадцатилетняя Марианна Намм, девочка из одной советской школы, нарисовала Международный год женщины, как она его понимает. У нее получилось дерево с корнями, похожими на старые женские руки, что-то ищущие в темных глубинах земли. Ствол, короткий и широкий, она составила из букв «МГЖ», а на крупных листьях кроны нарисовала лица женщин разных профессий — они почти портретно напоминали известную летчицу, математика, дирижера, поэтессу, государственного деятеля, сборщицу чая, капитана морского судна. Марианна поняла этот год как грань между веками, как пласт между прошлым и будущим — в нем соединились корни минувших столетий и ростки будущих.

Но девочке еще многое предстоит понять, о многом задуматься.

Существуют на земле два мира с глубокими различиями. Еще в этом, таком знаменательном году 43 процента женщин планеты не умеют читать и писать, труд их груб и тяжел, оплата почти вдвое ниже, чем у мужчин: в США — на 41 процент ниже, в Японии — на 50, в ФРГ — на 31,3 процента. В Англии, например, размер пенсии на 30 процентов ниже, чем у мужчин... А в мире сейчас на различных работах заняты 562 миллиона женщин. В тех странах, где безработица неизбежна как следствие бесланового развития экономики, первыми жертвами становятся именно они.

В этом году у нас было много событий. Многим из нас, наверное, больше, чем обычно, перепало наград, поздравлений и цветов.

Но вот овдовели и осиротели несколько женщин Испании. Снова ранила людей земли боль за многострадальную страну. Вышли на улицы столиц и селений демонстранты, женщины повторяли лозунги своего года—«Равноправие, развитие, мир» — и добавляли: «Фашизм не пройдет». Мы читали заявления протеста общественности многих государств, видели киноленты и телефильмы разных стран. И казалось, будто снова идет впереди всех демонстраций отважная женщина земли — Пасионария. Еще не кончилась ее борьба, еще многим борцам против фашизма великим примером будет звучать ее имя — Долорес Ибаррури.

А помните весенние дни, когда тысячи вьетнамок сняли военную форму и переоделись, чтобы вернуться к простым, забытым домашним делам, на поля и на стройки. Женщины, прошедшие войну — как удивительно улыбались они, как были счастливы и женственны в первые дни свободы, в отвоеванном ими мире. А Лыу Тхи Лиен из Южного Вьетнама еще не может остыть от войны. Да, завершилась тридцатилетняя борьба ее народа, покончено с неоколониализмом и разобщенностью. Но сразу, как старые лохмотья, не сбросишь нищету одних, коррупцию и деморализованность других.

— Тысячи и тысячи женщин,— говорит Лыу Тхи Лиен,— заботятся о крове и одежде для беспризорных детей, разбирают развалины и строят дома. Эти удивительные женщины от руки переписали школьные учебники для того, чтобы их дети вовремя смогли начать учиться.

В дыму пожаров, в грохоте пулеметных очередей Ольстер, полицейские дубинки постоянно занесены над его женщинами и детьми. Темнокожие дети Америки под полицейской охраной в автобусах ездят в школу.

И это знает Марианна, девочка, нарисовавшая дерево прошлого и будущего. Но ей еще не приходилось встречаться с людьми, которые говорят, будто Международный год женщины — пустая формальность, повод позаседать в конгрессах. Ведь этим людям очень важно, чтобы не так набатно звучал голос женщин на конгрессах.

Прогрессивные силы мира, и с ними мы, женщины, добились, что уже тридцать лет нет на земле мировых войн. Но за эти тридцать лет поджигатели войны развязали немало войн и вооруженных конфликтов.

Напоминают женщины. Грозное напоминание. На конгрессах руководительницы МДФЖ приводят данные доктора Х. Малера, генерального директора Всемирной организации здравоохранения, о жизни детей в странах капитала. Вот они, эти данные: одиннадцать миллионов детей страдают от острой белково-калорийной недостаточности. Семьдесят шесть миллионов детей постоянно недоедают. Ежегодно два миллиона детей умирают от голода. В Неаполе, например, умирают восемьдесят детей на каждую тысячу новорожденных. А во всей Италии из миллиона новорожденных сорок тысяч детей живут всего несколько недель...

Страшное напоминание.

Если бы Марианна жила в том, другом лагере, нарисованное ею дерево выглядело бы иначе.

Я разыскала Марианну. Пришла темноволосая девочка с восточным разрезом глаз, в пионерской форме со шнурами и знаками принадлежности к городскому пионерскому штабу. Пишет стихи. Учится в восьмом классе. Готовится поступать в комсомол. Интересуется историей и ботаникой. Но еще не знает, кем будет — историком, филологом или биологом. Я спросила, какие женщины за всю историю человечества ей больше всего нравятся.

— Можно, я повспоминаю, подумаю?— сказала Марианна.

— Конечно.

Она подумала и рассказала:

— Мои предки — выходцы из Кореи. Дома говорили, что одна из моих прабабок умела лечить травами. И у многих других народов женщины были первыми медиками. Мне нравятся эти давние, никому не известные женщины — хотелось бы прочесть о них документальную книгу, если она есть. Мне нравится Марфа Борецкая, новгородская посадница. Я думаю, ей очень трудно было управлять вечем — вряд ли новгородские бояре и купцы стали так вот сразу с нею считаться... Мне нравится Жанна д'Арк. И еще одна француженка —«Свобода на баррикадах» Делакруа. Я знаю, что это не реальное лицо, а символ, и мне немножко жаль, что Делакруа не написал настоящую участницу Французской революции, парижских баррикад — ведь их же было немало. Но зато он решил сделать символом свободы женщину, такую прекрасную, отважную. Я даже думаю, что ее могли звать, как и меня, Марианной, недаром же это имя стало символом свободолюбивых француженок.

Я слушала Марианну и понимала: передо мной необходимый в любом государстве человек. Еще наивный по-детски, но уже повзрослому эмоционально мыслящий, гуманный.

— Обеих Кюри люблю,— продолжала Марианна.— И Марию Склодовскую-Кюри и Ирен Жолио-Кюри. Люблю Софью Перовскую и Веру Фигнер. Люблю все послереволюционное поколение наших советских женщин, завидую каждой, кто пошла первой в летный клуб, на курсы трактористок и комбайнеров. Хотелось бы хоть в чем-нибудь повторить их судьбу. Если думать о Международном женском годе, он, наверное, еще не скоро наступил бы, если бы все женщины не стали такими хорошими летчицами, трактористками, конструкторами. Я верю в то, что не будет войны... Но мне очень скоро будет столько же лет, сколько было Зое Космодемьянской, когда она ушла на фронт, и столько, сколько Герою Советского Союза командиру авиационной эскадрильи Марине Чечневой. И чешке Марии Кудержиковой. Я читала ее письмо к родным, написанное в ночь перед казнью,— о поэзии будней, запахе вареного картофеля, стуке ложек и о птицах. Читала и о том, что русская девушка Вики Оболенская была одной из первых во французском движении Сопротивления, ее тоже казнили фашисты. Всех наших советских женщин люблю, и тех, кто воевал и не вернулся с войны, и тех, кто вернулся, они так интересно живут, работают, дружат. Хочется, чтобы хоть частичка их душевной красоты была во мне.

Здесь я перебиваю Марианну и спрашиваю, знает ли она, кто водрузил знамя Победы над рейхсканцелярией?

— Над рейхстагом?— поправляет меня Марианна.— Над рейхстагом — Егоров и Кантария.

Егорова и Кантарию знает весь мир. Но в труднейшие минуты боев, когда знамя Победы уже было видно всем над крышей рейхстага, рейхсканцелярия все еще была в руках фашистов, и оттуда шли команды смерти. И я рассказываю Марианне, как советская женщина, политработник Анна Владимировна Никулина, спрятав знамя под гимнастерку, поползла через две линии огня, через нейтральную полосу к рейхсканцелярии, как удалось водрузить ей и это знамя, каким сигналом мощного наступления было оно для наших бойцов, для взятия рейхсканцелярии. Так помогла Анна Владимировна победе.

Марианна была еще малышкой, когда Чайка посылала из космоса на Землю свои позывные. Но девочка хорошо помнит этот день, он ведь тоже был для женщин гранью между прошлым и будущим.

Еще Марианна сказала, что ей нравится ее школьная преподавательница истории.

Говорили мы о наших современницах, летчицах-испытательницах, об открывательницах алмазных трубок, о художницах и даже о японках — составительницах букетов. Мы, как единомышленницы с самого детства — она со своего, а я со своего, — пришли к выводу, что беднее и жестче была бы культура человечества без женщин — поэтесс, актрис, художниц, педагогов.

Мир должен быть прекрасен и гармоничен, а любимые вокруг — без различия пола и возраста — должны быть счастливы: это главная, это государственная забота женщин. А то, что право на такую заботу в некоторых странах еще надо отвоевать, так женщины его обязательно отвоюют. Больше полувека назад в беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил о необходимости создания международного женского движения. А во время празднования столетия со дня рождения Владимира Ильича француженка Сесиль Южель, Генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин, сообщала, что теперь в этой организации миллионы участниц, что ее секции и отделения работают в 92 государствах мира.

Неизменно оставаясь хранительницей очага, женщина становится государственным деятелем, ученым, работником искусства, производственником.

И все же... ох, эти женщины.

Правда, я знаю нескольких, читающих только за письменным столом. А большинство, в том числе знакомые редакторы и математики, уютно укладываются с книжкой на диван... назовите-ка женщину, которая не любит французские духи, красивые платья, цветы? И если какая-нибудь из них скажет вам, что ей отвратительны мужская лесть и комплименты, не верьте. Это — чуть-чуть лукавство, чуть-чуть кокетство.

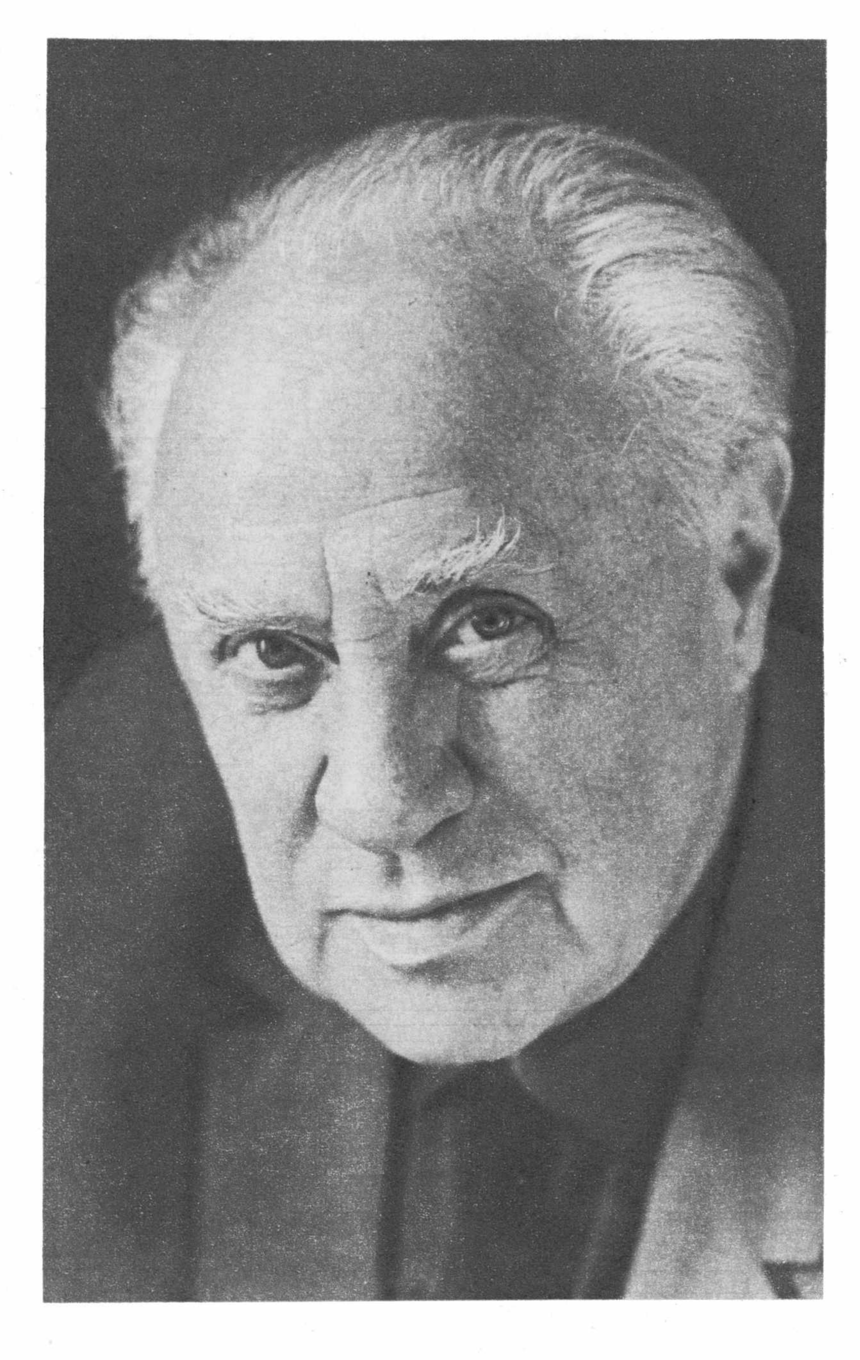

Л. ЛУКЬЯНОВА

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ МИХАИЛА ЖАРОВА

Если все роли, которые сыграл Михаил Иванович Жаров, разделить на количество прожитых им лет, то получится, что он играл в среднем две роли в год, начиная с младенчества. В действительности он вышел на профессиональную сцену чуть позже — пятнадцатилетним мальчишкой он уже выступал статистом в оперном театре Зимина.

Не так уж много актеров могут похвастаться тем, что их знают три поколения зрителей. А Жарова знают и помнят и родители и бабушки тех, кто сегодня лихо распевает песни про Анискина. В одном из интервью он сказал корреспонденту, что слова Р. Роллана «Добиться успеха раз и навсегда невозможно. Успех достигается ежедневно»,— пожалуй, можно назвать его, Жарова, девизом.

Я сижу напротив Михаила Ивановича, и он терпеливо отвечает на вопросы, рассказывает сам. Он внимателен и вежлив, но помню, что, когда я просмотрела в библиотеке огромную кипу газетных вырезок с интервью Жарова, мне стало страшно: как, наверное, надоели ему журналисты...

— Жизнь человеческая, поверьте мне,— говорит Михаил Иванович,— очень коротка. И сколько бы ни жил человек, ему всегда мало. Но актеру, если ему повезет, удается прожить сто, тысячу жизней... И не просто увидеть, осознать, а именно прожить. Войти в жизнь героя так, чтобы ты уже знал, откуда у него эта привычка, этот жест, почему он говорит именно эти слова, а не другие...

Тысяча жизней народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова — это Алексей из «Оптимистической трагедии» и Фомка Жиган из «Путевки в жизнь», Кудряш из «Грозы» и конторщик Дымба из «Трилогии о Максиме», Алексашка Меншиков из «Петра Первого» и Ковалев из «Самого последнего дня», дьяк Гаврила из «Богдана Хмельницкого» и Анискин из «Деревенского детектива»... Все сыгранное перечислить невозможно, но как сорок лет назад играли мальчишки в Мустафу и Жигана, так сейчас они играют в Анискина. «Правда, я несколько вырос,— смеется Михаил Иванович,— из уголовника и анархиста перевоспитался в милиционера».

О фантастической работоспособности Жарова в театре и на студиях ходят легенды. А он работает много, с удовольствием. Получалось не все и не сразу, но когда получалось, работа приносила счастье. «Я всегда увлекаюсь своими ролями. Я должен полюбить героя, только тогда могу его сыграть. Поэтому, наверное, я, обидевшись, отказывался от роли Жигана: какой из меня злодей и как я смогу его сыграть? Потом сыграл...»

— Выходит, Михаил Иванович, вы и Жигана полюбили, и Дымбу?

Жаров, улыбаясь, пожимает плечами.

— Выходит. И в том и другом есть удаль, бесшабашность. И сила, пожалуй. Иное дело, на что эта сила направлена, но это уж зрителям судить, верно ли я к ним отнесся.

Жаров никогда не играет просто идею. Он всегда исходит из многогранности человеческого существа, невозможности ограничить его любыми рамками. Поэтому не удивительно, что Жаров, актер ярчайшего комедийного дарования, раскрыл свой талант наиболее полно не в комедиях, а в произведениях драматических, даже эпических. Жаров всегда идет от человека, который бывает очень разным. Своим Жиганом Жаров нарушил традицию изображения в кино отрицательного героя как некоего злодея, свирепо вращающего глазами и глухо рычащего сквозь зубы грозные слова. Фомка Жиган был ловок, смел и не глуп, умел веселиться и лихо улыбаться, но вспомните, как вздрагивали вы, когда он с этой лихой улыбкой равнодушно бил мальчишку, не выполнившего его приказания.

Страшное, равно как и прекрасное в искусстве, в чистом виде никогда не имеет такого воздействия, как будучи заключено в какую-то жизненную ситуацию или достоверный конкретный образ. Человек никогда не примеряет на себя все слишком плохое или слишком хорошее, и поэтому искусство воздействует, воспитывает лишь тогда, когда оно узнаваемо.

— Актер должен играть человека. Живого, со своими привычками, чудачествами,— говорит Михаил Иванович.— Сейчас такое время, когда идеи — в людских судьбах. Идеи не нужно создавать, прекрасное живет в настоящем человеке. Вы, наверное, заметили, как моментально расходятся книги из серии «Жизнь замечательных людей». В этих книгах — люди, воплотившие в себе прекрасное. Люди разных эпох, но они живые, реальные... Актер, помоему, должен стремиться доносить мысль через реальность, узнаваемость.

Жаров — актер тонкой психологической мотивировки. Ему присуще редкое, но совершенно необходимое актеру четкое ощущение эпохи, породившей образ, умение передать настроение, эмоциональное чувство времени события. Он не терпит в своей работе ни малейшей фальши — все до мелочей должно быть достоверным и естественным. Смеясь, Михаил Иванович рассказывает, как во время работы над ролью Фальстафа для музыкального телеспектакля он, просыпаясь утром, включал магнитофон, стоящий рядом, и начинал разучивать арии Фальстафа, хотя петь за него должен был оперный певец.

— Понимаете, дело в том, что когда актер просто открывает рот, а не поет, связки его не работают, мышцы шеи не двигаются, и зритель видит, что его «обманывают».

Творчеству Жарова свойственно удивительное единство гротеска и лирики. В свое время критики восторженно писали о сцене объяснения Алексея в «Оптимистической трагедии». Алексей — буян и насмешник — был в этой сцене трогательно нежен и поэтичен.

Слушая Михаила Ивановича, я особенно отчетливо понимаю, что он действительно живет жизнью своих героев.

— Я прихожу в театр, у меня, Жарова, болит зуб. А играть я должен человека, у которого этот самый зуб не болит. И когда я выхожу на сцену, то не чувствую боли, потому что у моего героя есть другие мысли и заботы, кроме зуба Жарова...— Михаил Иванович улыбается.

...Шло время, талант Жарова рос, росло его мастерство. Вспомните еще раз его лучшие роли — Меншиков, Жиган, Дымба, Малюта Скуратов, дьяк Гаврила... Вспомнили? А теперь вспомним и то, что ни одна из этих ролей, врезавшихся в нашу память столь яр-

На вкладке: фото Л. Калининой, Н. Цветковой, А. Бочинина, И. Гаврилова, Л. Данилова, Ю. Кривоносова, И. Петкова, А. Рубашкина.

ко, не была главной. А ведь, казалось бы, Жаров — актер, для которого драматурги, соревнуясь друг с другом, должны были писать сценарии и пьесы. Искусство бывает порой несправедливо к тем, кто самоотверженно ему служит...

И все-таки, как мы ни любим рассуждать о закономерностях в жизни, случай иногда помогает и там, где вроде бы случайностей быть не должно.

Министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков как-то в разговоре с Жаровым спросил: «Почему бы вам не сыграть Анискина?» Жаров удивился: «А кто это?»

На другой день Щелоков прислал ему повесть Липатова «Деревенский детектив».

— Я сидел, читал про Анискина, и мне было грустно. Актер, как танцовщик, как, простите, скаковая лошадь, не может долго простаивать, а я давно уже ничего интересного не играл. Повесть мне нравилась, но я слышал, что съемки уже начались. Погода в тот день была плохая и настроение тоже. И тут совсем некстати пришел корреспондент «Литературной газеты» с обычными вопросами: над чем работаю, какие планы, что хочу сыграть. И я, чего греха таить, раздраженно высказался, что, мол, ни над чем не работаю, а хотелось бы... Хотелось бы играть, хоть вот Анискина из повести Липатова. Корреспондент невозмутимо все записал, в следующем номере газеты появилась заметка, что я хотел бы сыграть Анискина. В тот же день позвонили со студии: «Приезжайте». И завертелось...

Говорят, к своей главной роли актер идет всю жизнь. Иногда ему так и не удается ее сыграть. Как бы то ни было, Анискин действительно пока главная роль Жарова. Актер вывел своего героя за рамки, предложенные сценарием, не подавив его своей индивидуальностью, а обогатив. Анискин мудр, добр, человечен. Эти качества своего героя Жаров не декларирует. Он доказывает их, создавая реально узнаваемый и в то же время высокообобщенный образ. Жаров не балансирует, нет, он твердо стоит на зыбкой грани смешного и серьезного. Анискин многообразен и неповторим, как только может быть неповторим живой человек. Наверное, поэтому до сих пор идут в Москву письма, адресованные Анискину...

И все-таки Анискина играет Жаров. У детектива улыбка Жарова, брови он хмурит, как Жаров, и голос у него жаровский — чуть глуховатый. Николай Крючков сказал как-то о Михаиле Ивановиче: «Это очень сложно — перевоплощаясь, оставаться самим собой».

Высочайшее единство конкретности и обобщения доступно только мастеру, в ком профессионализм и отточенный талант сочетаются в равной мере, гармонично дополняя друг друга.

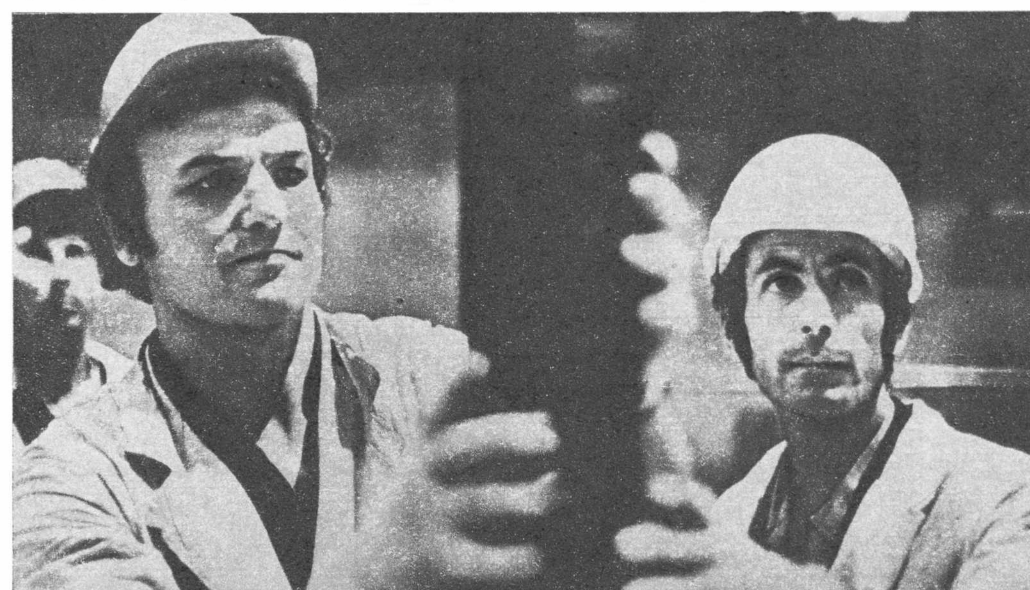
Жаров — поистине народный артист. И не только по званию. Всем своим творчеством он воспел русский народный характер. Удаль и размах, жизнелюбие и щедрость души, веселость и основательность — всем этим богаты жаровские герои. «Российский талант» его, по выражению Вс. Вишневского, отразил наше прекрасное, сложное время ярко и зримо.

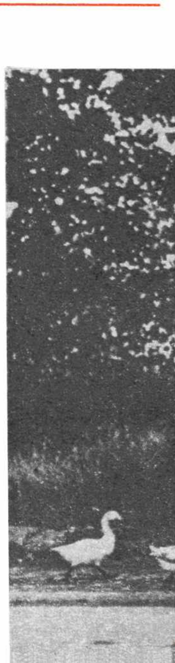
Монтируется первый пусковой реактор.

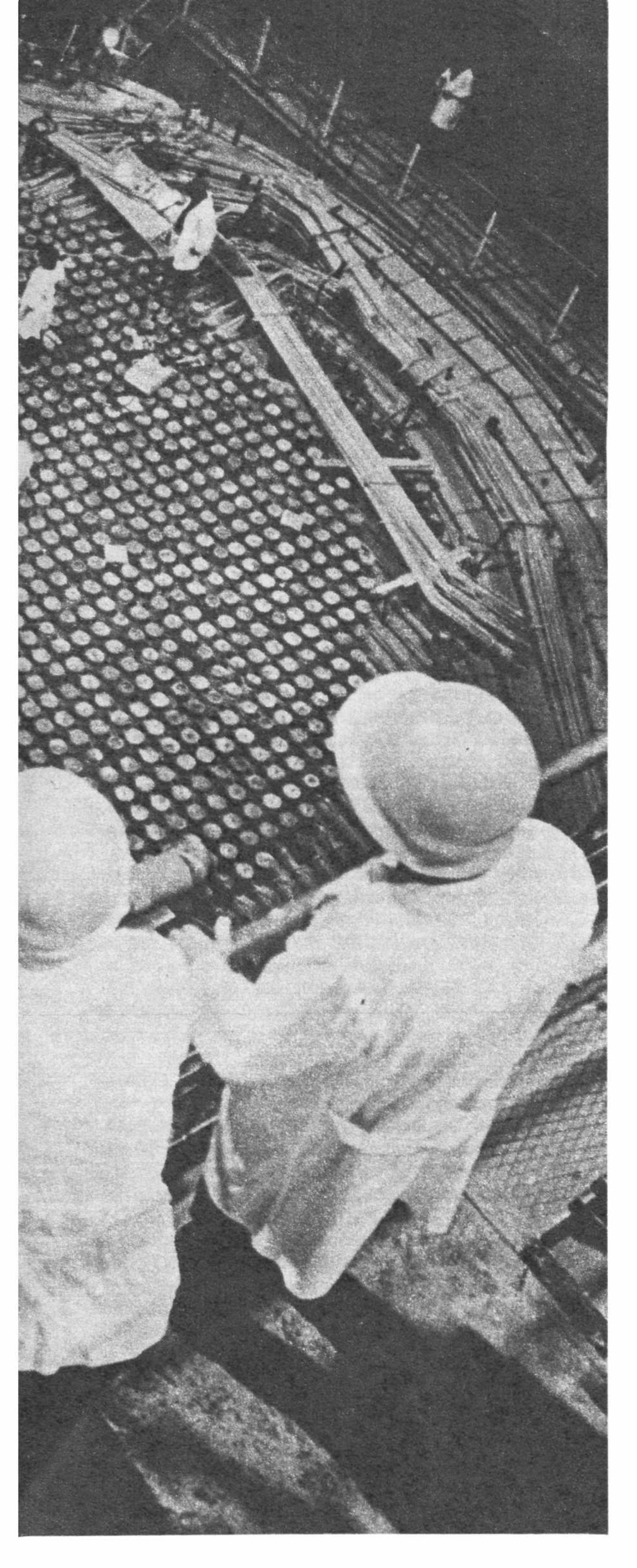
НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

АТОМ С

Бригадир Виктор Щенев и старший прораб Анатолий Хмелевский.

К. ЛЕОНОВА
Фото Г. КОПОСОВА

Среди полей за старыми садами взметнулись стальные конструкции необычайной формы. Чем ближе мы подходили к нагромождению блестевших на солнце зданий, эстакад, гигантских башенных кранов, тем плотнее окружали нас металл, железобетон и вспышки электросварки. Атомная... Ударный объект девятой пятилетки — Курская АЭС. Скоро будет пущен первый энергоблок мощностью в один миллион киловатт. Строительство в той стадии, когда не видно уже сердца станции — реактора, и Том Петрович Николаев, главный инженер, объясняет:

— Теперь уже до конца работы станции человек не увидит такой необыкновенной кирпичной кладки. Кирпичи в ней не простые — они из чистого графита!

Графитовую кладку, работу ответственную и сложную, в рекордно короткий срок — за 22 дня вместо 50 — выполнили монтажники, руководимые прорабом Николаем Леонтьевым. Позднее эту кладку пронзят сотни тепловыделяющих элементов, и, когда контур замкнется, реактор будет готов к пуску. Но это будет потом, а пока день и ночь люди в касках с эмблемой «ЦЭМ» («Центроэнергомонтаж») сваривают, монтируют сложные сплетения труб. Чтобы свести все воедино, нужно сварить множество стыков. Причем с абсолютной гарантией, ибо потом человек никогда не сможет их проверить. Только контрольно-измерительные приборы будут рассказывать впоследствии о качестве выполнения работы.

На заре атомной энергетики за монтаж стотысячных турбогенераторов брались весьма осторожно. А теперь бригады Тенгиза Бериашвили, Александра Манукова не только сами познали секреты мастерства, но и обучили этому делу целое поколение молодых монтажников, работающих с такими сложными реакторами, как нынешние.

С машинным залом станции нас познакомил начальник Курского монтажного участка ЦЭМ Владимир Горб, руководитель молодой, но уже имеющий опыт монтажа электрического оборудования нескольких электростанций страны. Зал громадный, теперь это не в новинку. Монтажники, заканчивая установку первой турбины мощностью в пятьсот тысяч киловатт, с уверенностью говорили о монтаже второй машины. Будто дело это совсем обычное, хотя в одной такой турбине заключен целый Днепрогэс.

— Монтажный главк Минэнерго СССР,— сказал Владимир Горб,— самая крупная в мире фирма по монтажу энергетического оборудования!

Мы прошли по бетонным галереям, бесчисленным боксам со стальными герметичными дверями и встретили Анатолия Зубова, невысокого, худощавого человека с короткой спортивной стрижкой. Он — руководитель известного на стройке комсомольско-молодежного участка, который возвел здание реактора всего за два года.

Том Петрович Николаев, главный инженер дирекции строящейся Курской АЭС, на стройплощадке.

В бригадном вагончике висит плакат: «Даешь выработку за того парня!». Анатолий Зубов пояснил:

— Бригада Николая Тодора зачислила в свои списки Ивана Шатохина, двадцатитрехлетнего коммуниста, Героя Советского Союза, погибшего в сорок четвертом году. Родом он был из села Вышние Деревеньки, что находится неподалеку отсюда.

Беседуем с молодыми бригадирами, один из них, Павел Янголенко, говорит:

— Мы не хотим вступать в спор с проектировщиками, но сама жизнь убеждает, что строить такие АЭС можно в более короткие сроки и с меньшими затратами труда. Подобные объекты нужно проектировать в более индустриальном, законченном виде. Вот на корпусе водоочистки строители, например, применили крупные блоки и оболочки, сделанные по расчетам своих инженеров.

— И производительность труда бригады выросла вдвое,— добавил другой бригадир, Виктор Лагвилава.— Причем качество работ настолько поднялось, что помещение почти не требует отделки...

На полигоне сборного железобетона изготовлены в заводских условиях блоки стен с встроенными герметичными дверями. Оставалось только поставить их на место. Схему монтажа одного из блоков на участке Зубова строители решили принципиально изменить.

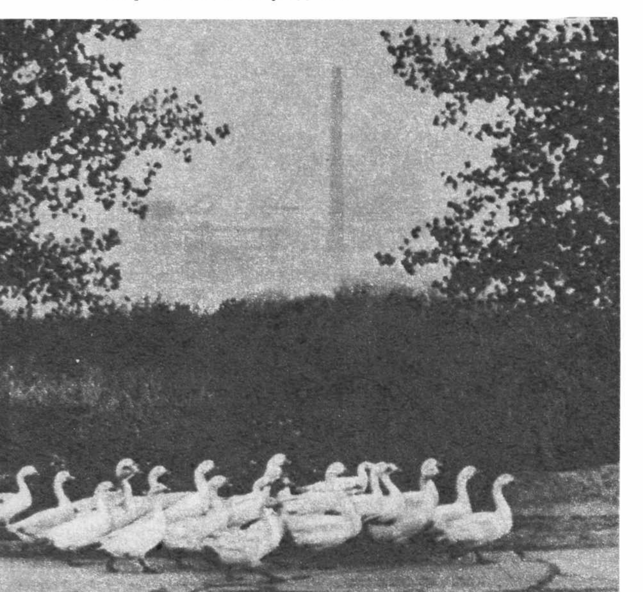
— Мы знаем, как это сделать. И у нас есть люди, способные выполнить такую сложную работу, — поделился планами Анатолий Зубов.— На втором блоке затраты труда можно сократить процентов на сорок по сравнению с первым, который делали строго по проекту.

Поселок Курчатов протянулся вдоль заполняемого из реки Сейм водохранилища. Здесь живут строители АЭС. Построен он просто и целесообразно. Мозаичные панно, спортивные площадки, новые архитектурные решения отражают дух времени.

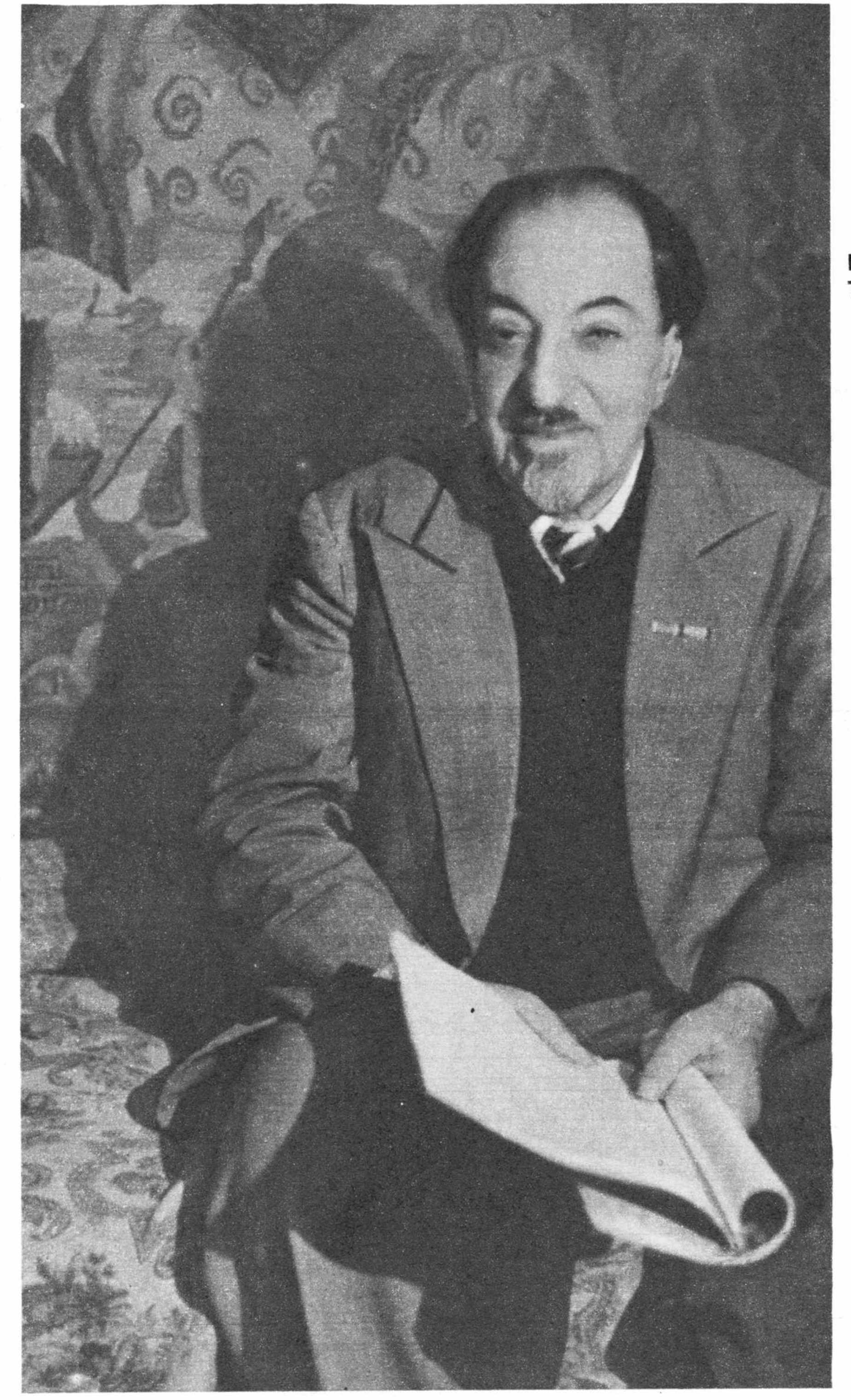
...Перед отъездом я еще раз зашла в управление к Тому Петровичу Николаеву. Он отодвинул штору, и на стене вспыхнули алые огоньки будущих атомных станций: Чернобыльская, Смоленская, Калининская, Ровенская, Южно-Украинская...

— Будущее энергетики за атомными реакторами,— убежденно сказал Том Петрович. — «Пусть атом будет рабочим, а не солдатом»— эти слова стали нашим девизом, целью жизни тысяч людей, воплощающих в действительность давнюю мечту человека о волшебной жар-птице.

ТАЛ РАБОЧИМ

Старое и новое рядом.

ВЕЛ СЫН

Николай ТИХОНОВ

Великий народный поэт Армении Аветик Исаакян родился вблизи Арагаца, в селении Казарапат. Жизнь он провел, много странствуя по свету, путешествовал по Ближнему Востоку, узнал хорошо страны Европы, но прежде всего прекрасно чувствовал родную Армению, которой и посвятил все свое творчество.

Его богатейшее наследие вошло в армянскую, всесоюзную, всемирную литературу. В свое время Александр Блок сказал, переводя стихи Исаакяна: «Поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

Вся поэзия Аветика Исаакяна полна глубоких раздумий о Родине и человеке, о мире и времени, о судьбах древнего народа. Это песня о прошлом, настоящем и будущем Армении.

Образованный, много видевший, мудрый поэт создал многообразный мир, в котором самые нежные мотивы сменялись призывами к суровой борьбе за свободу и раскрепощение человеческого духа.

Страдая безмерно от притеснений, которые армянский народ терпел от угнетателей за рубежом, от владык темного царства самодержавия, Исаакян в своем творчестве отразил мрак и скорбь жизни. Но на всех его стихах, начиная с первого сборника — «Песни и раны», лежит мягкий, теплый свет, они им пронизаны, и печаль его светла, как сказал бы Пушкин. Мир его поэтических картин ясен, солнце в этом мире не заходит, жизнь не умирает. Скорбь и гнев никогда не переходят у него в отчаяние и злобу.

Вместе со своим народом он жил его надеждами, «бил в колокол свободы», болезненно чувствовал поражения и, наконец, испытал радость пробуждения свободного Айастана, в который он вернулся, чтобы увидеть счастливую новь социалистической Армении.

Великий лирик, он является и автором больших поэм, таких, как «Мгер из Сасуна» и «Абул Ала Маари», которые выходили не однажды на русском, арабском, грузинском, чешском и других языках. Читатели более двадцати национальностей слышали переводы его стихов.

Стихи Аветика Исаакяна с первого своего появления встретили самую горячую любовь

ВОЗЛЕ ВАРПЕТА

Рачия РУХКЯН

В течение долгих двадцати лет я имел счастье общаться с Аветиком Исаакяном — встречался с ним по тому или иному поводу у него и у себя дома, на собраниях, за пиршественным столом... Общеизвестно, каким замечательным рассказчиком и остроусловом был Варпет (по-армянски «Варпет» — признанный мастер) — притчи, легенды, забавные истории, поговорки так и лились у него, как из рога изобилия... И я, пользуясь моментом, делал зарисовки, наброски, которые выражали душевное состояние и настроение поэта в тот или иной миг: то лукаво улыбающимся, то грустным и задумчивым, то со светлой, очень для него характерной, добродушной улыбкой. И вот сегодня, глядя на эти свои рисунки, я живо воскрешаю в памяти и места, где мы встречались, и свое восприятие облика поэта, когда я запечатлевал его на бумаге.

Помню, как однажды, это было в 1950 году, я робко обратился к Варпету с просьбой позировать для портрета. Он лукаво улыбнулся и отрицательно покачал головой. Дело в том, что и прежде он не раз отказывал мне: «Уволь, не могу как истукан сидеть с неестественным выражением лица»... Но сейчас, узнав, что портрет заказан мне для находящегося в производстве четвертого тома его сочинений, скрепя сердце согласился. Однако не выдержал и этого единственного сеанса, не прошло и получаса, как запротестовал: «Нет, не могу, ты лучше рисуй меня так, чтобы я не знал». И мне ничего не оставалось, как завершить портрет так, как он просил — украдкой, незаметно для Исаакяна.

Иллюстрация к поэме А. Исаакяна «Абул Ала Маари» (художник Р. Рухкян).

Перевел с армянского Г. НЕРСЕСЯН.

И К И Й АРМЕНИИ

армянского читателя. Около сотни его стихотворений положены на музыку и поются как народные песни.

Аветик Исаакян в своей поэзии выражает страдания человеческого сердца и радость людских побед. Он воспевает человека, жалея его и восхищаясь им. Он воспевает любовь, и стихи его звучат, как струны «того певца любви, кого сожгла любовь». Он глубоко черпает из сокровищницы родных мотивов. «Песни ашуга» — это голос его Отчизны, чистый и звучный, как горный ручей. В них перекликаются соловьиные и девические голоса, в них говорят поля и весенние рощи, в них расставания и встречи, воспоминания о друзьях, в них голос юной Шушан...

Это сильная, чистая песня на просторе отчей земли. Эту песню поют простые люди, и многие поэты могут позавидовать тому, как любит и ценит своего поэта армянский народ.

Лирика Исаакяна дает ключ к пониманию внутреннего мира поэта, позволяет представить путь, которым он шел, и этот путь не узкая тропинка и не аллея с экзотическим пейзажем.

Когда Исаакян вернулся из своих странствий за рубежом в Советскую Армению, он сказал: «Я безвозвратно вновь пришел в ту страну, где создается величественное дело в национальном и общечеловеческом смысле».

Будущему этой Армении он посвятил стихи, где как символ веры воспета любимая Родина:

Пусть молодая рать твоих сынов
Твой будет древний чернозем пахать,
И пусть гусаны будут воспевать
Расцвет твоих полей, страна отцов!
Победно будешь ты звучать, звучать
В чудесных песнях — древен и велик —
Сердечный, вечно юный мой язык!

Поэтический дар Аветика Исаакяна всемирно известен. Но он был еще и прозаиком, чрезвычайно своеобразным и талантливым.

Насыщенная образностью, имеющая четкий ритм, эта проза, не повторяя поэтические открытия Исаакяна, выражает философские взгляды писателя на жизнь и человека, на его взаимоотношения с природой. Знатоки армянской культуры говорят, что сказания и легенды Аветика Исаакяна представляют совершенно новый жанр, не похожий на те формы сказаний и легенд, какие были известны по средневековой армянской литературе.

Но эти легенды и рассказы перекликаются с его стихами. Так, стихотворение «Колокол свободы», где поэт провозглашал:

Свободы солнцу, золоту души
Ты, звон победный, песней поплыви.
С Кавказских гор, с бесчисленных вершин
На праздник братства всех нас созови! —

мы ощущаем как победное завершение усилий таких легендарных героев, как Шакро в рассказе «Шакро Валишвили». Шакро погибает в борьбе, но совокупные усилия подобных ему борцов расшатали в конце концов власть имущих и добыли свободу.

Давно изменились печальные судьбы тех бедняков, о которых с такой доброй симпатией, с такой любовью и с такой грустью повествовал Аветик Исаакян во многих своих рассказах, относившихся к дореволюционной жизни его Айастана.

Аветик Исаакян познал счастье мирного труда древнего армянского народа, новую юность родной страны, которая расцветает, не боясь никаких угроз своей счастливой жизни.

Судьба поставила его свидетелем смертельной битвы советских людей с кровавым фашизмом, и стихи мудреца-поэта Аветика Исаакяна зазвучали по-боевому. Начиная со стихотворения «Бранный клич», которое призывало на борьбу и звучало как яркое выражение высокого советского патриотизма, до стихотворения, воспевающего великий день 9 мая 1945 года, Аветик Исаакян всем сердцем переживал трагические события лет войны и разделил с народом ликование Победы.

И сейчас — в дни празднования столетней годовщины рождения великого армянского поэта — мы приносим ему жар наших сердец, глубокую благодарность за его бессмертное творчество, творчество борца за счастливое будущее человечества, за счастье социалистической Армении.

Пусть вечно бьет под вечною весной
Нам стиховой родник Исаакяна!

30-е годы, Аветик Исаакян (в центре) вблизи озера Севан. Крайняя справа — В. К. Звягинцева, крайний слева — П. И. Чагин.

Непубликовавшаяся фотография из архива М. А. Чагиной.

ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ

Аветик ИСААКЯН

●

Все суета,
Все мимолетный сон.
Будь хоть звездой,
Звезда умрет над нами.
А человек,
Пылинки меньше он,
А боль его
Не потушить веками.

●

Ах ты, молодость моя,
Золотой звездой угасла.
И весну утратил я
И любовь свою напрасно.

Среди гор брожу, незряч,
Плачу сердцем над камнями.
Только юность, плачь не плачь,
Не придет уже за нами.

●

На седой вершине Арарата
Век остановился на мгновенье
И ушел.

Сколько под громовые раскаты
Билось молний о его вершину —
И ушли.

Сколько уходящих поколений
Высь измерили влюбленным глазом.
Все ушли.

Твой черед. В нагорном устремленье
Полюбуйся гранями алмаза —
И уйди.

Перевел с армянского
Василий ФЕДОРОВ.

Ашот ГРАШИ

СОНЕТ ПРОЩАНИЯ

Памяти Аветика Исаакяна.

Всего тебе доброго, вишня живая,
Прощай, Арагац мой и поле Ширака,—
Тут звезды и злаки цветут, вызревая
Под знаком надежды — нет лучшего знака.

Всего тебе доброго, мельница деда,
Живущая рядом с поникшею ивой
За тонкой чертою мальчишества — где-то
В стране отзвучавшей, босой и счастливой.

Прощай, моя боль, незажившая рана —
Да, сталь ятагана мне в память вонзилась,
И с кровью смешалась вода Ахуряна...
Прощай, что забылось и что не забылось...

Прощай, Айастан мой, прощай, мирозданье...
Кто выключил небо?.. Прощай... До свиданья...

Перевела с армянского
Алла ТЕР-АКОПЯН.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Третья карта

И

«Центр.

Из разговоров с немецкими руководителями националистов, прикрепленных к ним гестапо и абвером (Оберлендер, Херцнер, Райзер), получил повторные подтверждения о точной дате начала войны — 22 июня.

Юстас».

тяжелый графин, а потом настала тишина, особенно громкая после того, как разбивают графин, любимый, бабушкин, без спросу залезая в буфет вечером, после ухода родителей в театр.

Он тогда лежал, чувствуя, как холод постепенно входит в него. Он не мог ни подняться, ни пошевелиться из-за сломанной ноги. Трасса была новой, а день близился к вечеру, и никто из лыжников не катался здесь, потому что наступало время, когда надо было принять душ и отдохнуть перед тем, как уйти в бар и пить до утра «перно» — белое, словно вода, в которой разведен зубной порошок, танцевать вальс-бостон или танго, ощущая рядом свою подругу, которая днем кажется иной из-за того, что лицо ее скрывают огромные желтые очки, на тело натянута толстая куртка, а руки в меховых варежках. К тому же на трассе она и не подруга тебе, а спортсмен, такой же, как ты, и ты смотришь, как она катит по спуску, и завидуешь ей, или, наоборот, сердишься на нее за то, что она неверно идет, и знаешь, что сейчас, через мгновение, она завалится. Но здесь не обидно смотреть, как падает женщина, она добровольно сунулась в суровое дело, и ей надо терпеть все то, что в жизни уготовано мужчинам.

Курт лежал на трассе и не мог пошевелиться из-за сломанной ноги, но это поначалу не пугало его. Он надеялся, что его заметят на других склонах, не понимая еще, что человек в горах подобен камушку, он еще меньше здесь, чем на равнине, в лесу или в городе.

Он лежал, ощущая лишь боль в ноге, которая сковывала движение, а после Курт почувствовал жжение в спине и понял, что куртка его задралась и шерстяное белье тоже, и это снег жег спину.

...Через три месяца, после того, как его вылечили в клинике профессора Хаазе, Курт сделал предложение Ингрид. Она была той, о которой ему всегда мечталось,— женщиной-другом, но Ингрид сказала, что у них ничего не выйдет, потому что он слишком мягок и молод, «а я,— засмеялась тогда она,— нуждаюсь в силе, я преклоняюсь перед мужчиной, который опален порохом, который уже знал и любовь, и расставание, и счастье, и горе. Такая уж я дура. Я знаю, что нам какое-то время будет очень хорошо, но потом это кончится, потому что я видела, как ты плакал от боли: женщина этого не прощает. Не сердись, милый...».

...Курт наконец задрал рубашку, ухватил зубами воротник, ощутил его соленый вкус, почувствовал пот на спине, и на лбу, и на шее, и обрадовался этому: холод стены в соприкосновении с разгоряченным телом скорее сделает свое дело.

«Теперь надо ждать и не позволить себе отстраниться, когда я почувствую леденящий холод внутри и то, как там начнет ворочаться что-то тяжелое, превращающееся в кашель. Только бы он не вызвал меня сейчас на допрос, господи, только бы он не вздумал вызвать меня на допрос!»

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ»

Квартира гестапо, где жил Мельник, выглядела совершенно иначе, чем апартаменты Бандеры. Здесь, в четырех комнатах, три из которых были смежными, образуя просторную анфиладу («Дом, видно, купеческий,— отметил Штирлиц,— торгаши любят размах и пространство»), постоянно звонили телефоны; отвечали на звонки сотрудники СС, по-немецки отвечали, а возле большого полевого телефона, связанного, вероятно, с армейскими штабами, дежурил молоденький фельдфебель с косыми височками, надушенный, с ниточным бриолиновым пробором в белесых волосах.

Первым, кто приветствовал Штирлица, отделившись от группы офицеров СС, был оберштурмбаннфюрер Диц. Вместе с ним и Фохтом Штирлиц работал два месяца назад в Загребе, когда Берлин и Рим — каждый посвоему — привели к власти «поглавника усташей» Анте Павелича. Диц и Фохт тогда «подставились» — каждый по-своему. Они знали, что подставились Штирлицу: по их вине погиб подполковник югославского генштаба Косорич, на которого ставили в абвере — он был агентом Канариса. И Диц и Фохт ждали казни, они поначалу были убеждены, что Штирлиц проинформировал, однако после того, как ничего в их жизни не изменилось, каждый из них затаился, ожидая — они были убеждены, что Штирлиц что-то потребует взамен. Но он не требовал. Это именно и пугало.

— Здравствуйте, мой дорогой Штирлиц,— сказал Диц, сыграв радушие и открытость.— Воле фюрера было угодно, чтобы мы снова встретились в славянском городе.

— Краков ничем не хуже Загреба,— ответил Штирлиц.— Рад видеть вас, дружище.

— Мы ждали вас утром.

— Были другие дела.

— С вами Омельченко?

— Да. Знакомы?

— Встречались.— Лицо Дица приняло обычное добродушное выражение, за которым угадывалось горделивое сознание соб-

КУРТ ШТРАММ (IV)

Курт мучительно долго, в сотый раз уже, вертел головой в непроглядной темноте. («Я привык к такой тьме, и свет сейчас казался бы мне насилием, вроде постоянной темноты вначале. А еще, говорят, человек долго привыкает к новым условиям. Смотря как предлагать их: Германия, например, за год привыкла. Дурной пример заразителен, теперь многие в мире захотят научиться так же дрессировать народ, как фюрер».) Он вертел головой и думал, как смешно он выглядит сейчас, если бы кто-то мог наблюдать за ним, но в этих «мешках» даже глазков на дверях нет, потому что арестант ни сесть, ни лечь, ни встать не может — он постоянно полустоит.

Курт, словно одержимый, вертел головой: ему надо было этим движением с одновременным толчком в спину схваченными в наручники кистями поднять рубаху так, чтобы ухватить ее зубами и задрать. Тогда он прижмется голой спиной к мокрой и холодной стене, от которой раньше, повинуясь инстинкту, он старался отодвигаться, чтобы образовалась маленькая воздушная прослойка. Теперь, если он задерет рубаху, то вдавит свое тело в мокрый каменный холод и будет ждать, пока заледенеет изнутри. Он помнил это ощущение с тех пор, когда катался в Альпах и на резком повороте его левую лыжу занесло на камень, который показался из снега неожиданно, ибо солнце было в тот день особенно жарким и растопило наст. Курт перекувырнулся через голову, грохнулся на спину и услышал в себе звон, словно разбился стеклянный, богемский,

Курт ощутил хрипение внутри и очень испугался этого. («Господи, скорее бы задрать рубаху, почувствовать холод, долгий холод и хрипение внутри, и чтобы поднялась температура, и кашель сотрясал меня, и в уголках рта была желтая, горькая мокрота; и чтобы седой штандартенфюрер отправил меня в лазарет, а там есть длинный, длинный коридор, который кончается каменной стеной,— обязательно должен быть. Но ведь коридор был, когда они меня вели в тот первый день, почему же тогда я не... Ты тогда еще хранил иллюзии, Курт. Ты ведь еще надеялся на чудо, разве нет? Ты не думал, что тюрьма, их тюрьма так быстро вылечивает от иллюзий? Ладно, оправдаем тебя. Нет ничего более легкого, как оправдать самого себя... хотя нет... Если судить по правде, то себя оправдать труднее всего».)

Тогда, в горах, его заметила Ингрид Боден-Граузе. Она каталась как раз на этом крутом и сложном склоне, каталась одна, когда большинство лыжников уже спустилось в долину.

Как же она честно тащила его к домику спасателей, проваливаясь в снег по пояс! Она подложила под него свои лыжи, а сама надела на грудь два ремня, будто лошадь или здешние ученые сенбернары. Ингрид опускалась перед ним на колени, гладила его лицо, целовала его щеки, мокрые от слез, шептала нежные, быстрые слова, и он из-за этого еще острее чувствовал боль, но он становился сильнее, когда была ее нежность — мужчина реагирует на нежность иначе, чем женщина, — он становится сильнее.

Ингрид тогда взмокла, и на морозе от нее валил пепельный пар, и Курт тогда смог подумать, что это унижает ее красоту и женственность.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—43.

ственной значимости.— С кем это он? А-а, с летчиками — с подчиненными друга его шефа...

— И все-то вы знаете, Диц,— вздохнул Штирлиц.— Скучно вам жить с эдаким-то знанием всего, всех и вся.

— Пойдемте, я познакомлю вас с руководителем,— предложил Диц,— мы отвели ему самую тихую комнату.

...Мельник сидел в кресле, возле окна; ноги его были укрыты толстым шотландским пледом; он медленно читал книгу, аккуратно подчеркивая остро отточенным карандашом строчки и абзацы.

— Ишиас, извините,— объяснил он Штирлицу, слабо пожав его руку мягкими, горячими пальцами.— Стоит пять минут постоять на сквозняке — и сразу же выхожу из игры. Обидно, но что поделаешь.

— Зато аппарат работает четко,— заметил Штирлиц.— Выйти из игры — это значит подать в отставку. Просто, видимо, противное ощущение: когда все готовятся к главному, сидеть за литературой...

— Это не литература,— ответил Мельник. Говорил он в отличие от Бандеры певуче, медленно, навязывая собеседнику свою, чуть ленивую, манеру беседы. — Это «Апологетика». Я заново изучаю православное толкование различий между церквами. Они очень наивно отстаивают свою единственность и истинность. Это будет сложный вопрос на Украине: обращение в католичество тридцати миллионов несчастных...

— Может быть, лучше сделать друзьями католичества православных пастырей? — спросил Штирлиц.— А не обращать насильно миллионы в чужую веру?

— Нет. Это невозможно,— мягко, но твердо возразил Мельник.— Православие связано с Москвой традициями язычества. Блок с православием всегда ненадежен. И потом оно слишком консервативно.

— Ну, это не самое страшное,— сказал Штирлиц.— Нас должен настораживать радикализм церкви, а уж с консерваторами мы как-нибудь договоримся. Не кажется ли вам, что церковь и на Украине и в России — я имею в виду православие, естественно,— займет нейтралистскую позицию в лучшем случае?

Мельник снисходительно улыбнулся:

— Господин Штирлиц, когда я говорю о ненадежности блока с православием, я имею в виду внутренние расхождения: византийское влияние мешает православию признать святость папы. Православные исступленно ждут второго пришествия, они меньше прагматики, чем мы, люди Запада. Но что касается внешнего, то есть отношения к освобождению от большевизма, здесь не может быть двух мнений — они все пойдут за фюрером, все, как один.

— Я согласен с Мельником,— сказал Диц.

— Ну-ну,— хмыкнул Штирлиц.— Как это говорится у славян: вашими устами пить мед?

— Вашими бы устами да мед пить,— поправил Мельник по-русски.— В этом выражении важна сослагательность, мечтание, предположительность. Они же мечтатели, москали, в этом их трагедия. А наша трагедия в том, что мы, прагматики по своей природе, вынуждены были подчиняться их розовым, безумным мечтаниям.

— По-моему,— не согласился Штирлиц,— главным мечтателем в русской литературе был украинец Гоголь.

— Гоголя нельзя считать украинцем. Он писал по-русски и говорил по-русски. Как это ни горько утверждать, но он похож на тех нынешних украинцев, которые продались Москве.

В дверь постучали, заглянул один из офицеров СС, пригласил Дица к телефону.

— Как вы относитесь к Бандере? — неожиданно спросил Штирлиц и понял, что он хорошо спросил, оттого что Мельник такого открытого вопроса не ждал.

— Он бандит, он банки грабил, неуч — только о себе думает,— ответил Мельник.

— Ваш ответ предполагает дополнение: «О нации, обо всех, думаю один я, Андрей Мельник». Нет?

— Нет. О нации думает много людей. О моей нации более всех скорбит наш духовный пастырь Шептицкий, которому это делать труднее, чем мне, оттого, что живет он в большевистском Львове, а не в Кракове.

— Правда ли, что Шептицкий — русский по крови?

Мельник даже руками замахал, зашелся быстрым, задыхающимся смехом:

— Боже мой, отец Шептицкий — русский?! Откуда?! Самый чистый украинец!

Штирлиц проводил дни в библиотеках — полковнику Исаеву надо было обладать знаниями, которые могли приносить пользу реальную и быструю.

Перед выездом в генерал-губернаторство он успел посмотреть старые, растрепанные фолианты и среди всякого рода данных обнаружил одно, показавшееся ему в высшей мере любопытным.

Ярослав Мудрый, возвеличив киевский великокняжеский престол, отбил попытки польских феодалов захватить древнерусские червенские города. Праправнук Мономаха, Роман, князь Владимиро-Волынский, образовал новое Галицко-Владимирское княжество. Он не отринул прежних князей и память о них — Ростиславовичах. Он любил повторять слова, сказанные о последнем Ростиславовиче Галицком — Осмомысле Ярославе: «Пышно сидел на своем златокованном столе, подпер горы Угорские своими железными полки, заступив Королеви венгерскому путь; затворив Дунаю ворота, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут, отворяеши Киеву врата...»

К нему, к Роману, праправнуку Мономаха, пришли посланцы от папы Иннокентия III после того, как узнали о присоединении Киева к Галицкому княжеству. Папа предложил королевский венец «самодержцу всей русской земли» и свой папский меч — во имя приобретения новых земель — с одним только условием: переходом в католичество.

— Такой ли меч Петров у папы,— ответил Роман, обнажив княжеское свое, кованое и тяжелое оружие,— иж имать такой, то может города давати, а аз доколе имам и при бедре, не хочу куповати ино кровью, якоже отцы и деды размножили землю Русскую.

Трудно представить себе дальнейшее развитие серединной Европы, не окажись Владимир, Рязань и Киев теми форпостами, которые первыми встретили нашествие татаро-монгольских войск. Киев, разоренный нашествиями, стал терять свои связи с другими русскими землями. А Владимир и Суздаль далеки, и санный путь опасен и долог, и главное их призвание тогда вышло: противостоять удару с востока, защитить Европу от вторжения диких орд. Так, из-за вторжения силы извне, из-за стечения исторических случайностей, которые не укладываются ни в какие логические умопостроения, Галицкая Русь осталась православным островом в море католичества.

Татаро-монгольское нашествие подорвало мощь и единство русских земель. Часть древнерусских княжеств отошла к Литве. На северо-востоке стала восходить Москва, начавшая собирать русские земли. А Галицкая Русь была захвачена польскими королями.

Русские земли были разделены барьерами политических границ. Но и после этого долгое время продолжала сохраняться единая древнерусская народность, пережившая Киевскую Русь. И в Юго-Западной Руси, в том числе и в галицких землях, где начался процесс формирования украинской народности, сохранялось сознание единства общего происхождения.

Прошло четыре долгих века после захвата Польшей галицких земель, прежде чем русские князья Острожские и Виневецкие, а также многие шляхтичи приняли католичество, ибо православие, которому служили их предки, лишало их в новых условиях того положения, которое они считали обязанными иметь. Среди них были и галицкие шляхтичи Шептицкие, позднее выслужившие себе за верность дому Габсбургов титул австрийских графов.

Это знал Штирлиц. И Мельнику это знать тоже не мешало бы, потому что граф Андрей Шептицкий, митрополит Львовский, потомок галицких шляхтичей по отцу и поляк по матери (это скрывалось тщательно, вопрос крови — вопрос особый, тут промашку дать нельзя,— потом не поправишь!) сыграл особую роль в жизни «вождя» ОУН-М.

Когда молодому еще Мельнику, офицеру бывшей австро-венгерской армии, осевшему после разгрома Габсбургов во Львове, где царил шальной дух «польской могутности», где легионеры бывшего социалиста Пилсудского правили громкие пиры национальной победы, надо было думать о куске хлеба, он вошел в связь со своими, то есть с такими же, как и он, бывшими офицерами венской монархии. Мельник знал свою силу. Он умел организовывать дело, обстоятельно изучая его со всех сторон, неспешно привлекая верных людей, расставляя их к «ключам», но все это было раньше, при Габсбургах, а потом при гетмане, а после гетмана при Петлюре, а теперь все кончилось, и он оказался н и к е м. Именно тогда, в годы бедствий, Мельник вошел в УВО — Украинскую военную организацию, созданную, как и ОУН, с помощью Берлина. Но если берлинские военно-политические стратеги берегли ОУН как силу дальнего прицела, то к УВО отношение было словно к шлюхе — пользовали, как хотели, агентуру не ценили, торопились выжать максимум, получить все данные военного характера о новом европейском государстве, которое было отмечено «железной личностью» Пилсудского.

Именно УВО и поручило Мельнику, зная через «анкетников» Ярого его деловую умелость, создать резидентуру во Львове. Ужас голода сменился пьяной сытостью и пониманием своего падения: стать агентом другой державы, говоря проще,— шпионом — было поначалу для полковника австрийской армии вопросом нешуточным.

Мельник сумел найти людей, расставить их в нужных местах, не торопился задавать вопросы, семь раз мерил, один раз резал, создал свою контрразведку, охранявшую связи резидентуры, и лишь после этого начал гнать информацию в Германию, разведданные, которые потрясли военных в Берлине своей точностью и дотошной аналитичностью. Стал вопрос о передаче Мельника в отдел, ведавший созданием марионеточных «лидеров», но «засветилась» связная, приезжавшая к Мельнику из Мюнхена за шпионскими сведениями,— тут уж не до «лидерства»!

А Мельник-то поверил, что жизнь возвращается к нему. Он поверил в то, что с унижением кончено, что он доказал свою нужность практикой легкой и неинтересной для него (в силу ее обезличенности) разведдеятельности. С ним провели беседу люди Ярого, определили для него «сектор» работы: организация боевых пятерок; связанная с террором пропагандистская работа; конспиративное прикрытие националистического движения по всей Польше. И в тот день, когда он должен был сдать дела своему помощнику, польская полиция произвела аресты: Мельник был взят с поличным. За ним, шпионом Германии, выдававшим за деньги военные секреты, захлопнулись скрипучие ворота тюрьмы.

Первые дни в камере Мельником владела глухая ко всему и безразличная слабость. Только дурак мог тешить себя иллюзиями: отныне и навсегда путь вверх закрыт, а верхом, естественно, была для него политика. Была австрийская армия — ступенька в политику, армия чужая, казавшаяся мощной, но ее теперь нет; была работа в УВО — ступенька в политику, вот она рядом, поставь только ногу,— но нет, и это не получилось, обрушилась лестница. Все. Конец. Крах. Продавший душу дьяволу обречен на долгую гибель.

Мельник попросил в тюремной библиотеке евангелие и углубился в чтение — только в этом он находил спасение, только оно было точкой спокойствия в той буре, которая грохотала во внешне тихом существе его.

Сжимая в руках евангелие, он выслушал приговор. С этим же евангелием, подарком от тюремной администрации, он вышел на свободу. И приютил его тогда, сделав управляющим своих имений, граф Андрей Шептицкий, митрополит Галиции.

История определяется движением человеческих масс, увлеченных той идеей, которая на определенном периоде развития одержала победу над идеей прежней. Вопрос личности, ее роли, с одной стороны, и объективного процесса развития — с другой,— вопрос сложный, ибо внешне именно личность формулирует ту или иную декларацию, которая потом становится жизнью сословий, народов, государств. Казалось бы, именно личность объявляет войну, декларирует мир, дарит свободу и выносит приговор. Однако следует признать, что если на том или ином отрезке истории события носили характер сугубо л и ч н о с т н ы й, то, как правило, события эти были скоропреходящими, хотя и особо кровавыми, зловещими.

Граф Андрей Шептицкий хотел навязать истории свою идею, и это не могло не привести к крови, ибо логические построения, созданные в тиши монастырского (банковского, военного, полицейского) кабинета, всегда страдают избытком властолюбия и некоего самоупоения.

Судьба украинского народа, его будущее были для Шептицкого абстрактным п о н я т и е м. Идея его сводилась к тому, чтобы сделать народ, целый народ неким о б р а з ц о м народа, обращенного в чужую веру и живущего ею. В отличие от иных пастырей Шептицкий допускал возможность коллаборации с иноземной силой во имя торжества этой своей идеи; более того, в годы первой мировой войны он был военным шпионом Вены — ему платили за сведения. В глубоко сокрытой подоплеке его поступков лежала чисто мирская жажда самоутверждающегося собственничества. Это невытравляемое собственничество с годами ушло внутрь и перевоплотилось — в зрелости уже — в то самое властолюбие, которое так опасно вообще, а в сегодняшнем мире особенно...

— Только талмудисты считают дерзание,— говорил Шептицкий во время первой беседы с Мельником,— греховным. Первым дерзнул Христос, обращаясь к толпе. Он дерзал, ибо знал, что его не поймут, прогонят, предадут. И тебе предстоит дерзать, Андрей. Это только кажется, что дерзание в н е ш н е. Дерзание всегда акт внутренний, акт, обращенный против самого себя, против неуверенности в своих силах. Можно быть владыкой на людях и принимать поклонение толпы — это тешит.— Шептицкий тронул своими прозрачными, синеватыми пальцами недвижные ноги, бессильно разваленные в кресле-каталке.— Мое — это Он, твое — о н и. Знай, толпа не прощает колебаний. Они, сиречь малые и сирые,— рабы логики, хотя сами лишены ее,— может, потому ей и следуют. Они рабы в е ч н ы х величин и понятий, именно поэтому Святая Церковь, зная всю правду об инквизиции, хранит об этом периоде своей истории молчание и по сей день, не поддаваясь соблазну отринуть то, что запятнало святость кровью безвинных жертв. Признание вины Святой Церковью послужит делу безверия, ибо миллионы усомнятся в нашей истине: «Если раз было зло, то почему бы ему не повториться?» Ты понял меня, Андрей? Кто и когда бы ни укорил тебя судебным делом, кто бы ни обвинил тебя в шпионстве, помни, ты не был грешен, ты выявлял нашу веру так, как было возможно. В твоих поступках не было греха: ты ж и л не своим интересом.

— Но я жил своим интересом,— чуть слышно возразил Мельник.— Я жил тогда своим отчаянием, голодом, своей обреченностью.

— Нет,— убежденно ответил Шептицкий.— Не считай, что вериги — непременный атрибут Святой Церкви. Мы постимся, но мы не хотим навязать людям вечную схиму. Ты жил, как жил, но ты отдал себя не диаволу, а другу. Да, да, Андрей, другу. Ибо враг врага — твой друг. Иди, работай, отдыхай, обрети себя, ты еще в о с с т а н е ш ь.

Когда нацисты убрали Коновальца, а друг Андрея Мельника, в е р т к и й Ярослав Барановский, был арестован в Роттердаме по подозрению, Шептицкий легко выправил бывшему шпиону Германии паспорт в Варшаве для участия в похоронах: Мельник и Коновалец были женаты на сестрах Федак; директор банка «Днистро» — отец семерых дочерей, и почти все они вышли замуж за лидеров ОУН.

Родственника Мельник похоронил, вернулся во Львов, провел в монастыре у Шептицкого две недели, за ворота не уходил, а потом исчез, как растворился,— люди Рики Ярого перевели его через границу нелегально для того, чтобы — по указанию гиммлеровского ведомства — короновать новым «вождем» ОУН — Бандера в тюрьме, а ведь надо кому-то продолжать дело.

Первой акцией Мельника, когда он был «коронован», была акция ловкая, лойоловская: он предпринял попытку освобождения Бандеры, отправив группу для организации побега узника. Мельник понимал, что молодого Бандеру надо приблизить к себе, стать его благодетелем — вопрос освобождения вторичен. С умыслом ли, не без умысла, но боевая группа оказалась частью перебитой, частью схваченной.

Предсказание Шептицкого оправдалось: Мельник восстал из пепла. Жил он теперь то в Берлине, то в Вене, то в Риме, жил у немецких своих наставников, и те поняли его методическую, незаметную, аккуратную нужность. Он редко выступал, сторонился митингов и сборищ, а все больше сидел на конспиративных квартирах, редактировал брошюры

К. Юон. КУПОЛА И ЛАСТОЧКИ. 1921.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Юон. ПЕСНИ КОЛХОЗНОЙ МОЛОДЕЖИ. 1954.

Музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Москва.

для «Края», составлял схемы связей подполья во Львове и Черновцах, намечал объекты для уничтожения в Польше и у Советов, выявлял друзей, но главное — врагов, и не явных, не партийцев (те сразу понятны), а таких, кто искренне принял идею большевиков и честно служил ей, не записавшись даже в ячейку.

Свою истинную нужность он доказал, когда войска Гитлера вторглись в Польшу: вместе с немцами шли банды Мельника. Словно во времена позднего средневековья, они помечали крестом дома врагов. СС и СД во время этой кампании учли еще одно важное качество Мельника: он знал свое место, он сделал ставку на силу, и он верил, что эта сила приведет и его к силе. Так и случилось. Созданный после разгрома Польши «Украинский комитет» во главе с доцентом Краковского университета Владимиром Кубиевичем был карманным, беспрекословно подчинялся Мельнику и оказался единственной «украинской властью» на территории генерал-губернаторства, решавшей все вопросы, связанные с «нацией» не как-нибудь, а непосредственно с референтурой наместника Франка. Украинских националистов Франк поддерживал, понимая, что они вольются в боевые отряды, когда начнется очистительный поход на Восток; оуновцев использовали в чисто польских районах, как силу полицейскую, а в районах украинских полицейскую службу несли те польские полицейские, которые были взяты на службу нацистами.

С начала сорокового года СД поручило Мельнику заняться проблемой крови. Необходимо было выявить для изоляции всех тех, кто был «замаран» русским или польским семенем; о еврейском даже не говорили. Мельник составил списки (в первую очередь нацистов, естественно, интересовали коммунисты, советский актив на заводах, в колхозах, интеллигенция Советской Украины). Списки были подробнейшие: на многих сотнях страниц — фамилии, имена, отчества, год рождения, место рождения, рост, цвет глаз и волос, особые приметы, адреса друзей и знакомых.

Естественно, в списке не было Андрея Шептицкого, потомка австрийского графа и польской аристократки. Не потому не было имени его в списках, что Мельник хотел скрыть это, а потому лишь, что не мог себе даже представить Шептицкого не украинцем.

...Побеседовав с «шефом» ОУН-М о тех сведениях, которые поступают из-за кордона, спросив Мельника о том, какова, с его точки зрения, прочность большевистского тыла, и выслушав ответ, угодный любому немцу, занимающему пост,— мол, тыла нет, это конгломерат разностей, который потечет, развалится, как мартовский лед после первого же дождя, Штирлиц пожелал собеседнику скорейшего избавления от досадного в такие дни недуга и вышел.

Диц только что кончил долгий и, видимо, трудный разговор: он сидел у телефона потный и злой.

— Замучили? — спросил Штирлиц.

— Фохт сошел с ума,— ответил Диц.— Можно подумать, что работа заключается только в том, чтобы писать отчеты и составлять таблицы. Живое дело для него не существует.

— Вы встречаетесь с Бандерой? — спросил Штирлиц, решив подкинуть Дицу нечто для размышления.

— Его опекает армия,— рассеянно ответил тот.— Наши встречаются с ним довольно редко: Канарис, говорят, отбил его для использования в тактических целях.

— Понятно,— задумчиво произнес Штирлиц, прислушиваясь к тому, как в соседней комнате молоденький фельдфебель кричал в полевой телефон: «Семь маршевых групп в район Перемышля отправлены уже вчера! Я говорю — вчера!» — Понятно,— повторил он, поразившись мелькнувшей догадке.— Но смотрите, как бы Бандера не схватил лавры первым — он значительно более мобилен, чем Мельник. Успех Бандеры будет лаврами абвера, а не вашими, Диц.

— Этого не может быть.— Диц забыл о своей постоянной улыбке, сразу же поняв смысл, скрытый в словах Штирлица.— По-моему, вы преувеличиваете.

«Их же оружием,— подумал Штирлиц, выходя из особняка,— только так, и никак иначе».

Продолжение следует.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Нашему читателю давно привычно разноцветье тетрадей «Роман-газеты»: не успеет книга появиться в каком-либо журнале — и уже лежит она на прилавке в собственной обложке, с которой смотрит на нас лицо автора.

С 1970 года по инициативе Госкомиздата РСФСР издательство «Советская Россия» приступило к выпуску библиотеки, которая похорошему родственна «Роман-газете» и своим оформлением и, главное, своей оперативностью. Только вчера, кажется, встречались мы на газетных полосах с этими острыми, аналитичными работами наших лучших публицистов и мастеров документального жанра, а сегодня можем уже не на ходу, вдумчиво прочесть их в привлекающих глаз книжечках библиотеки «Писатель и время».

Так было с известными очерками Анатолия Аграновского «Хозяева», познакомившими нас со злобинским бригадным подрядом и самими героями нового патриотического почина. Так было с очерком «После Белгорода» Георгия Радова, где писатель, немало содействовавший становлению библиотеки, обращался к самым современным проблемам колхозной деревни. Так было с записями Генриха Боровика «Репортаж с фашистских границ», написанными вскоре после захвата власти в Чили военной хунтой...

Открывалась серия сборником замечательной публицистики Михаила Александровича Шолохова «Слово о Родине». А недавно вышла сотая книга библиотеки «Писатель и время».

«Край, у которого все впереди» — называется эта книга. Ее автор Леонид Воробьев рассказывает о сегодняшней жизни русского села, о тружениках Новгородщины и Костромской области. Характерен зачин: «Используя широко известный прием (точнее, конечно, было бы: «известные слова».— Д. И.) Льва Толстого, можно сказать: все богатые колхозы чем-то похожи друг на друга, все бедные — тоже. А вот колхозы-середняки выглядят каждый по-своему».

Партия и правительство оказывают огромную помощь Нечерноземной зоне России, и оптимистическая тональность очерков Л. Воробьева естественна даже тогда, когда автор пишет о различных неладах, которых, увы, еще много в его родных местах. Но писатель не только зорко их подмечает, он предлагает и горячо отстаивает реальные пути их устранения.

Эта кровная писательская заинтересованность, забота о настоящем и будущем страны — одна из определяющих черт советской публицистики. Библиотека еще раз подтверждает эту особенность. Уже сами издательские марки — «почтовые штемпеля», которые стоят на титулах,— «Письма из деревни» и «Письма с заводов и строек» — подчеркивают глубоко личное отношение авторов к большим общественным проблемам. Ведь письма, как особый жанр, как живой отклик на насущные вопросы дня, предполагают и особую доверительность, сокровенность, так радующие читателя в разговоре о переднем крае нашей жизни.

Сейчас, когда у всех на устах звонкое слово «БАМ», каждый с интересом прочтет книгу Леонида Шинкарева «Байкало-Амурская магистраль».

«Я-то знаю,— пишет Л. Шинкарев,— кого следует назвать первыми строителями БАМа 70-х годов. 10 января 1974 года десант строительно-монтажного поезда № 266, закончив работы на Усть-Илиме, отправился из Усть-Кута на гусеницах да на полозьях по глубокому, человеку по пояс, нетронутому белому снегу, прошел по льду Лену, прорубил в тайге просеку, свалив по обе стороны от нее вековые сосны, и ровно через месяц вышел на 64-й километр будущей трассы... Десант — пять мощных бульдозеров и 4 вагончика — возглавлял начальник строительно-монтажного поезда Петр Петрович Сахно, один из ветеранов Ангарстроя, а с ним шли его 19 друзей, испытанных на прежних сибирских трассах...»

Внимательный читатель приметит здесь шероховатости стиля, повторы слов, черты газетной скорописи — эти понятные, хотя и нежелательные издержки многих оперативных изданий. Зато в книге Л. Шинкарева нет других издержек, таких, которые появляются у авторов, повествующих с чьих-то слов. Его очерки — это рассказы взволнованного очевидца великой стройки, которому Восточная Сибирь стала родной и близкой уже десятки лет.

Нечерноземье, Восточная Сибирь... Адресов, из которых идут «письма», множество. О хлеборобах Омской области писал Леонид Иванов, а Михаил Алексеев — о дорогих ему саратовцах. Виталий Закруткин рассказал о тружениках Дона, Виль Липатов — о рабочих и строителях города автомобилистов Тольятти, Анатолий Медников — о трубопрокатчиках Челябинска. Адресов не перечесть, и хотелось бы только, чтобы библиотека чаще знакомила с автономными республиками и областями России.

С прошлого года издательство и общественная редколлегия библиотеки предприняли выпуск книг, посвященных международной проблематике, вопросам идеологической борьбы. В 1975 году «первой ласточкой» здесь стали «Письма из Рамбуйе» Юрия Жукова и Волеслава Седых — рассказ о рабочей встрече в Париже Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом Франции В. Жискар д'Эстэном, о ее значении на пути дальнейшего претворения Программы мира.

Сто книг, связанных не только единой издательской рубрикой, но и единством устремлений их авторов,— это важная веха. И потому нельзя не назвать хотя бы малую часть писательских имен, чьи книги завоевали библиотеке популярность и читательское признание: Л. Леонов и К. Симонов, Б. Полевой и В. Кожевников, С. Викулов и А. Калинин, А. Ананьев и В. Росляков, С. Залыгин и В. Субботин, С. Крутилин и Ю. Грибов, И. Винниченко и А. Приставкин, М. Колосов и Д. Краминов, В. Солоухин и Б. Можаев, М. Стуруа и Т. Гайдар...

Сейчас, в преддверии XXV съезда КПСС, от книг библиотеки «Писатель и время» ждешь нового глубокого обращения к стоящим перед советским народом большим задачам. Ждешь активного поиска и открытий свежих ростков народной инициативы, действенной постановки значительных проблем, новых встреч с людьми, преобразующими и украшающими жизнь. Литературу называют разведчицей будущего, и тут ее передовому отряду — очеркистам и публицистам — принадлежит авангардная роль.

Д. ИВАНОВ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото автора.

В ЭФИРЕ СЕРЖ

Поляна была крохотная, там и сям утыканная пнями, но девчонка вторую неделю упрямо косила тощую траву. Косила и распевала песенку о своем дорогом Михасе, которого ждет не дождется... Грибники да ягодники посмеивались: совсем, мол, рехнулась от любви девчонка, охрипла аж, на такой голос не то что Михась — столетний дед не выйдет! Но девчонка умела ждать. На десятый день, когда она едва держалась на ногах, раздался тихий свист. Потом кто-то окликнул:

— Тарасевич, ты?..

Она приложила палец к губам, вскинула косу и, не торопясь, пошла к старому вязу.

— Ну, Нинка, кого угодно ждал, только не тебя!—улыбнулся оборванный парень, выходя из-за дерева.— Ладно, не сердись,— продолжал он.— Кто прислал?

— Сестра. И велела сказать, чтобы ты... чтобы вы меня слушались!—смущаясь, выпалила Нина.— Когда мы узнали, что перейти границу не удалось и вы попали в дефензиву, все очень переживали. Потом пришла весть, что наш комсомольский секретарь бежал. Комитет решил, что вы обязательно зайдете домой. А там — засада! Вот мне и велели встретить вас здесь.

Михаил Колач растерянно спросил:

— Куда ж мне теперь? Опять в лес?

— Нет, на болото. Я отведу.

Когда они шли по едва заметной тропинке, Нина порывалась что-то спросить, но, видно, никак не могла решиться. Наконец набралась духу и остановилась.

— А деньги где?

— Какие деньги?

— Как это какие деньги? Те, которые мы собирали для Испании! Ведь на них можно купить оружие для целой роты! Вы же сами говорили!

— Пропали,— робея от ее гнева, ответил Михаил.— Но полиции не достались! Когда меня схватили, я успел... Одним словом, пришлось выбросить. Но я место запомнил!

Шестнадцатилетняя девчонка укоризненно посмотрела на своего комсомольского вожака. Онто знал, как трудно достались эти деньги. В Западной Белоруссии, как и во всей буржуазной Польше, проходил традиционный «Праздник моря». Под видом сбора средств для укрепления флота молодые парни и девчата ездили на велосипедах по городкам и селам своего воеводства, собирая злотые... Шел 1936 год. Началась война в Испании, райком поручил Михаилу перейти границу, добраться до Москвы и передать деньги в фонд помощи интербригадам. «Окно» было провеਰенное, через него не раз ходили и туда и обратно. Но Михаилу не повезло. Позже, уже в партизанском отряде, Михаил узнал, что его выдал предатель. Незадолго до своей гибели Михаил выявил провокатора и уничтожил.

Все это было много позже. А сейчас секретарь подпольного подрайкома комсомола радовался, что вырвался из лап дефензивы, что добрался до своих, что встретил эту дерзкую девчонку, которую совсем недавно принимал в комсомол. Рекомендовала Нину ее старшая сестра Юлия Прокопчик — член компартии. Нина вот уже три года помогала сестре распространять листовки, прятать подпольщиков, случалось и стоять на посту во время заседаний райкома партии, проходивших на их явочной квартире.

...Надвигался сентябрь 1939 года. Сентябрь как сентябрь — теплый, грибной, дождливый. И никто не предполагал, что этот месяц станет как бы водоразделом истории, что он перевернет судьбы целых государств — первого сентября фашистские войска напали на Польшу.

Началась вторая мировая война.

Так как дефензива запрещала белорусам иметь радиоприемники, а об издании белорусских газет не могло быть и речи, жители Западной Белоруссии узнали о начале войны из... листовок, сбрасываемых с немецких самолетов. Следом за листовками полетели и бомбы.

В тот же день состоялось экстренное заседание райкома партии и комсомола. Многие требовали немедленно начать восстание — благо, в саду у Прокопчиков припрятано немало оружия,— и добиться присоединения к Советской Белоруссии. Кто знает, чем бы закончилось это заседание, если б не поднялся представитель обкома партии. Он сказал: «Товарищи! Восстание преждевременно. Нас раздавят. Вы это не хуже меня знаете».

А вскоре произошло событие, которого ждали двадцать лет: Красная Армия перешла границу и двинулась на помощь своим белорусским братьям. Радость была такая, что люди забыли обо всем на свете, старались во что бы то ни стало затащить в дом красноармейца, накормить его, обласкать, дать понять, что здесь он среди родных и близких. Комсомольцы с первого дня считали себя мобилизованными: они помогали уничтожать банды реакционно настроенных офицеров-белополяков.

В те дни Нина Тарасевич получила комсомольский билет: в подполье их, естественно, не выдавали, зато теперь она с гордостью убедилась, что в графе «Дата вступления» у нее стоит—1936 год. Так девятнадцатилетняя девушка оказалась чуть ли не ветераном белорусского комсомола.

Нину командировали в Брест. В поселке Шерешеве решили открыть детский сад, а грамотных специалистов не было, вот Нину и отправили учиться. Вскоре она вернулась и стала заведовать первым в их краях детсадом. Дело как будто шло неплохо. В сорок первом она решила, что летом будет поступать в пединститут.

Двадцать первого июня Нина была в Бресте, каталась на лодке по Бугу. Немцы были совсем рядом, в каких-то сорока метрах. Они гоготали, зазывали в гости. Девушки хмуро отворачивались и делали вид, что не замечают нацеленных в их сторону фотоаппаратов. А за кустами урчали танки, сновали грузовики, в небе носились самолеты...

Как известно, в первый же день войны Брест оказался в тылу врага. Полыхали села. Наши части ожесточенно сопротивлялись, с боями прорываясь на восток. В их рядах была и Нина Тарасевич. Так она добралась до Москвы, а оттуда уехала в Рязань. Начались визиты в военкомат, но на фронт ее не пускали. Только зимой пришла долгожданная повестка! Нина гадала: куда — на передовую, в партизанский отряд?.. Увы, в Химки — учиться на писаря, чтобы работать в каком-нибудь флотском штабе. К счастью, девушек учили не только писать, но и стрелять. В тире Нина поразила видавших виды инструкторов! На следующий день ее вызвали в штаб и предложили перейти в другую школу.

— Опять в школу? — поморщилась Нина.

— Это особая школа,— сказали ей.— Вы станете радисткой. Может случиться, что воевать будете в родных краях.

Нина все поняла... Как раз в это время в район Старого Оскола надо было забросить разведгруппу. Нину назначили старшей. Накануне перехода линии фронта для последнего инструктажа пришел подполковник. Он осмотрел одежду разведчиц, оружие, проверил их «легенды». Все как будто в норме. Вот только старшая... Акцент у нее какой-то странный.

— Скажите слово «веревка»,— попросил он.

— Верьевка,— бойко повторила Нина.

— Мне страшно.

— Мнье штрашно.

— Чемодан.

— Шчемодан.

— Да-а... По «легенде» — вы девушка из-под Воронежа, пробирающаяся домой. Так?

— Так.

— Кроме того, вы — певунья, хохотунья и вообще несколько взбалмошная девчонка. Ну-ка, спойте!

Нина откашлялась и сипло затянула «Я на горку шла», потом «Катюшу», потом...

— Стоп, стоп! Хватит,— прервал подполковник.— Вы что, простужены?

— Да нет... Это у меня давно.

И Нина рассказала, как десять дней подряд с утра до вечера пела про Михася.

— Не пущу я вас! Не имею права,— подвел итог подполковник.— Акцент чудовищный. Голос — хуже некуда. Попадетесь на первой же полицейской заставе. О гестапо и не говорю. Нет, на верную смерть не пущу! Ну-ну, только без слез,— смягчился подполковник.— Мы вас малость подучим и забросим туда, где ваш акцент будет не врагом, а союзником. Договорились?..

— Договорились,— совсем не по-уставному ответила Нина.

А через полгода перед строгой комиссией предстала молодая радистка. Теперь подполковник Федоров был доволен.

— Летите под Брест,— сказал он, когда собралась вся «четверка».— Вас примут партизаны. Но у них не задерживайтесь. Перебирайтесь в Ружанскую пущу: сообщать районы сосредоточения войск, маршруты движения, расположение аэродромов...

В ночь на 14 августа 1943 года с подмосковного аэродрома поднялся бомбардировщик. В бомболюке — разведчики и инструктор-парашютист Борис Петров.

— Главное, не дрейфить,— успокаивал он.— То, что никто из вас не сделал ни одного прыжка, даже хорошо — смелее шагнете за борт. Нет, я серьезно! Вот со мной был случай...

Бац! Что-то стукнуло, грохнуло, самолет подбросило, и в бомболюк повалил дым!

— Горим! — крикнул кто-то.

— Горим,— спокойно подтвердил Борис.— По ночам здесь всегда «мессеры» шныряют. Готовьтесь прыгать! — торопливо добавил он.— Запомните: мы чуть западнее Рославля. Пошел! — крикнул он и открыл бомболюк.

Разведчики прозаливались в черную бездну. Нина прыгала предпоследней.

Приземлилась Нина удачно. Отстегнула парашют, закопала в землю. После этого мигнула фонариком. Появился командир группы Николай.

— Наших не видела? — спросил он.

— Нет.

— А парашют с рацией?

До рассвета бродили они по мелколесью, но ни рации, ни товарищей не нашли.

— Наше оружие — рация,— сказал Николай.— Без нее мы ничто. Поэтому решение будет такое: двинем на восток и постараемся перейти линию фронта. В крайнем случае найдем партизан и свяжемся с Центром через них.

Три недели Нина и Николай блуждали по вражеским тылам. То, что они видели, несомненно, представляло интерес для командования. Но как сообщить, что по смоленской дороге движется танковая колонна, а посреди ржаного поля склад горючего? Как передать сведения о штабах, разместившихся в деревнях? Об оборонительных сооружениях, строящихся по закраинам лесов?! Все было за эти три недели: стычки с полицаями, перестрелки с гитлеровцами, погони... Случалось, разведчики были на волосок от смерти, но каждый раз выручало чудо. Вернее, не чудо, а простые советские люди, которые успевали предупредить, спрятать, увести к болоту...

Однажды вечером забрели в деревушку на краю леса. Постуча-

АНТ ЛЕСЛИ

ли в дом. Хозяйка накормила, напоила, сказала, что поблизости нет ни немцев, ни партизан. Отдохнули и двинулись дальше. И вдруг буквально нос к носу столкнулись с людьми в немецкой форме.

— Руки вверх! — приказали они по-русски.

Николай шел метрах в десяти сзади и шмыгнул в кусты. Нина с удивлением отметила, что не подняли стрельбу. Отметила и то, что повели ее почему-то не в село, а в лес. Когда перебирались через глубокую канаву, Нина выбросила пистолет и компас.

«Кто бы вы ни были, а теперь не прижмете!» — подумала она.

Но Нина ошибалась. Допрашивали ее недолго. Когда Нина начала бубнить о том, что она беженка и пробирается в свою деревню, офицер достал «парабеллум».

— На прошлой неделе из-за такой «беженки» мы потеряли пятерых товарищей! — сказал он и кивнул в сторону оврага.

Нина поднялась. Ноги как деревянные. Кое-как она сделала шаг... другой... «Только бы не выстрелил в спину! — лихорадочно думала она.— А может, это партизаны?.. Обидно умирать от пули своих...»

У оврага офицер велел остановиться. Было очень душно, и он снял немецкий мундир. Перед Ниной стоял человек в форме капитана Красной Армии.

— Последний раз спрашиваю: кто вы? Я недавно с Большой земли и имею приказ беспощадно уничтожать предателей.

— Вот и занимайтесь своим делом! — с вызовом бросила Нина.— Если вы действительно с Большой земли, то знайте («А-а, была не была! — решила она.— Не такая уж я дура, чтобы поверить в этот маскарад, но за минуту до смерти можно и рискнуть»), что собираетесь расстрелять такую же, как вы! Все!

Капитан усмехнулся:

— Будет орать-то. Ладно, повременим. Разберемся. Но если... Одним словом, знай, что твоя пуля здесь! — похлопал он по кобуре.

Так Нина стала партизанкой. Ей даже выдали оружие. И все же она чувствовала, что глаз с нее не спускают... Были диверсии на железных дорогах, налеты на штабы, бои с карателями. А в сентябре сорок третьего отряд соединился с наступающими частями Красной Армии.

Через три дня Нина добралась до Москвы и явилась прямо в штаб. То-то было переполоху! Оказалось, что из всей группы спаслась только она. Ей дали две недели на отдых, но Нина заявила, что готова к дальнейшему прохождению службы.

Что ж, готова так готова. На этот раз подполковник Федоров сказал, что забрасывать ее будут на территорию Польши, так что надо вспоминать язык, обычаи и все прочее. За это время Федоров стал полковником. На радостях кто-то из сослуживцев назвал его по имени-отчеству. Тогда Нина не придала этому никакого значения, но всего через год благодарила судьбу за это открытие: не будь этой случайности, возможно, что Нине пришлось бы расстаться с жизнью.

...В апреле сорок четвертого с подмосковного аэродрома поднялся «дуглас». Перед отлетом полковник Федоров спросил:

— Как думаешь подписывать свои радиограммы?

— Ромашка! Нет, лучше тюльпан!

— Опоздала,— улыбнулся полковник.— Все цветы разобраны. Давай придумаем что-нибудь позаковыристей. Тебе ведь работать рядом с Армией Крайовой. Пусть на всякий случай у тебя будет английское имя, а?.. Например, Лесли. Сержант Лесли! А что, неплохо. Ну, а ты, Игнатюк, будешь Гарри,— предложил он напарнику Нины.

Нина настояла, что будет прыгать вместе с рацией. Ей говорили, это неудобно, тяжело, опасно, но, наученная горьким опытом, Нина доказала, что без рации в тылу врага ей делать нечего, а во время прыжка да и в полете всякое может случиться...

Вот наконец и костры. Языки пламени стелются вдоль земли, значит, сильный ветер. Нина поправила лямки, проверила рюкзак с рацией и шагнула в темноту. Парашют вроде бы не успел и раскрыться, а ноги уже на земле. Вдруг порыв ветра! Нину подбросило, и она грохнулась на спину. Что-то затрещало, зазвенело, и Нина потеряла сознание... Очнулась на подводе. Рядом шагали парни с автоматами и тихо переговаривались по-польски.

Так она прибыла в отряд Николая Матеюка. Все бы ничего, но рация разбилась. Да и спина болела так сильно, что Нина еле двигалась. Матеюк покряхтел, повздыхал и отдал ей запасную рацию. А вскоре секретарь подпольного райкома Владек увез разведчиков в небольшую деревеньку Юзефовку, что под Демблином.

Этот город был главным объектом разведывательной работы Лесли и Гарри. Через Владека они установили связь с поляками, которые имели доступ на железнодорожную станцию, а также на аэродромы, заводы и ремонтные мастерские.

Время выхода в эфир у сержанта Лесли было довольно неудобное — час дня. Где спрячешься, где раскинешь антенну? Но девушка нашла выход: каждый день ходила с подругами по ягоды и, пока те наполняли лукошки, вела передачи.

Через неделю в Юзефовке появился грузовик с круглой антенной на крыше. Все ясно, засекли!

Нина перетащила рацию в пшеничное поле. Потом на старую мельницу. Потом... Одним словом, место приходилось менять каждые два-три дня. Гестапо с ног сбилось, облава следовала за облавой. Но каждый день в эфир летели точки и тире. А вечером появлялись краснозвездные бомбардировщики. В районе Демблина было четыре крупных аэродрома, причем один из них ложный. Разведчики установили расположение настоящих аэродромов, Лесли передала их координаты, а через день сообщила в Центр: «В результате налета уничтожено тридцать шесть немецких самолетов и бензохранилище».

Когда на железнодорожную станцию пришел эшелон с «тиграми» и «пантерами», Лесли снова вышла в эфир. Бомбардировщики перехватили эшелон в пути.

Но Лесли передавала не только разведданные. Иногда, забывая о том, что батареи вот-вот «сядут», она слушала последние известия из Москвы. До чего же быстро наступали наши войска! Освобождены Минск, Гродно, Брест... Как радовалась Нина, когда узнала, что фашисты изгнаны из ее родных мест! Но к радости примешивалась и грусть: ведь с первого дня войны она не имела ни единой весточки от семьи. Где отец и мать? Где сестра? В концлагере, в партизанах? Живы ли они?..

Н. Н. Тарасевич

В двадцатых числах июля Центр приказал: «Ввиду стремительного наступления Лесли и Гарри надлежит перебазироваться в Варшаву». Упаковали рацию, попрощались с хозяевами и... вдруг услышали гул танковых моторов. Нина выскочила на улицу и обмерла! Господи, неужели наши?! Ну, конечно, наши! Забыв все на свете, она бросилась к колодцу, у которого столпились десантники и танкисты.

— Братики, родненькие! — закричала она.— Что ж вы так долго-то? Да бросьте эту воду, я вам сейчас молочка!

Солдаты расступились. И снова замкнули круг.

— Вы что, ребята? — растерялась Нина.—Ведь я же... Ведь мы...

— А ну, руки вверх! — хмуро бросил кто-то.

— Да вы что! За кого меня принимаете?!

— За того, кто ты есть! А ну, к стенке!

Круг расступился, и человек пять вскинули автоматы. Нина враз обмякла и потеряла дар речи. К счастью, из дома выскочила хозяйка, ее дочка, соседки. Они обняли Нину и кричали: «То наша! То наша!» Солдаты пытались их отодрать, а те прикрывали собой девушку.

— Какая, к черту, ваша! — закричал кто-то из солдат.— Ваши говорят по-польски. А это русская!

И тут Нина все поняла. Она даже улыбнулась и, стараясь быть спокойной, сказала:

— Ладно, ребята, пошумели, и хватит. Я сама виновата: от радости совсем голову потеряла. Все ясно: вы на территории Польши, и вдруг какая-то девчонка говорит по-русски?! Зовите офицера.

Так Лесли попала в штаб. Она ничего не скрывала, с радостью отдала свою рацию, но, к сожалению, не знала пароля для выхода к своим. Впрочем, его просто не было. Опросы шли целую неделю.

Помог случай. Когда Нина рассказывала о школе, в которой училась, и называла имена и фамилии своих начальников, опрашивающий ее майор насторожился.

— Чье имя-отчество вы назвали? — переспросил он.

— Полковника Федороза.

— Так я же его прекрасно знаю! Опишите, как он выглядит.

На следующий день Нине вернули рацию и разрешили выйти в эфир...

А через неделю она попала в свои родные Криницы. Война пощадила всех ее родных: сестра вернулась из партизанского отряда, родители — с подневольных работ. Всего три дня побыла Нина дома — ее с нетерпением ждали в радиоцентре. Война продолжалась. В тылу врага работало немало товарищей сержанта Лесли.

* * *

И вот май 1975 года. В дни празднования 30-летия Победы встретились уже немолодые люди, когда-то лихие разведчики — Н. Н. Тарасевич и ее бывшие товарищи. Они вспоминали об опаснейшей работе в тылу врага, о живых и погибших товарищах. А в сторонке, на диванчике, сидел внук Нины Николаевны, слушал во все уши и восхищенно смотрел на свою дорогую бабулю и на ее орден Отечественной войны, который она надела в честь великого праздника.

Записки вратаря

Лев ЯШИН

3

СУДЬБЫ И ЛЮДИ

...Таков уж спорт: любой, самый счастливый финиш — лишь предшественник очередного старта, причем прошлые победы, как бы значительны они ни были, не дают никаких дополнительных привилегий. Каждый лишний день праздничных каникул в связи с вчерашним успехом чреват опасностью поражения в будущем. Словом, мы недолго принимали поздравления. Жизнь сурово требовала от нас работы, тяжелой, будничной работы. Через год сборной предстояло испытание посложнее олимпийского турнира: чемпионат мира, первый в ее истории, чемпионат, на котором встречаются шестнадцать сильнейших сборных земного шара.

Но шестнадцать — это лишь участники финальной части первенства мира 1958 года. А для того, чтобы получить право на встречу с ними, надо хорошо сыграть в отборочном турнире. В частности, нам предстояли два матча с командами Польши и Финляндии.

В те времена редкий турнир проходил у нас без неожиданностей, видно, не хватало еще опыта и класса, чтобы ровно пройти всю дистанцию. Олимпийские матчи с командой Индонезии — яркий тому пример. Не сумели мы сразу победить и в отборочном турнире. Проиграв полякам один матч и выиграв у них другой, мы набрали с ними одинаковое количество очков. Значит, переигровка на нейтральном поле, и местом дополнительной встречи был избран Лейпциг.

Наш поезд отходил от Белорусского вокзала. Обычно предотъездные минуты тянутся черепашьим шагом, ждешь не дождешься, когда наконец поезд тронется. Но на сей раз время мчалось вперед галопом. Десять, пять, две минуты остается до отправления... Вот уже покинули вагоны провожающие, а двух торпедовских форвардов — Стрельцова и Иванова — все нет.

Побледневший и притихший, понурив голову и ни на что уже не надеясь, сидит на откидном стульчике в коридоре наш тренер Гавриил Дмитриевич Качалин. Он словно и не заметил, что поезд тронулся, не бросил даже прощального взгляда в окно. И вдруг неожиданно начальник поезда сообщает, что в Можайске мы сделаем минутную остановку, чтобы принять двух опоздавших пассажиров. Говорят, они прибежали на перрон, когда наш состав еще не скрылся из виду, застали там провожающих, и один из них, усадив обоих в свою машину, бросился по Можайскому шоссе вдогонку.

Это сообщение переполошило всех, кроме Качалина. Ни радости, ни оживления не увидел я на его лице. Он понуро поднялся со своего места, подозвал к себе Игоря Нетто, Никиту Симоняна и меня — трех самых старших игроков сборной — и каким-то невыразительным, бесцветным голосом сказал:

— Если верно, что они к нам присоединятся в Можайске, решайте их судьбу сами. И разговаривайте с ними сами. Как вам подскажет совесть, так и поступайте. А я с ними говорить не могу. И видеть их не могу...

Поезд действительно притормозил у станции, принял ожидаемый «груз» и двинулся дальше, а мы с опоздавшими заперлись в купе. Читать мораль мы им не стали.

— Мужчины вы или сопливые мальчишки? — сказал кто-то из нас, кажется, Симонян.— Мужчины? Так докажите это в игре! Посмотрим, сумеете вы смыть свой позор...

Игра была тяжелая, как все решающие игры. Мы победили. Стрельцов и Иванов играли блестяще.

Но, увы, скоро мы смогли убедиться, что словами не всегда можно помочь делу.

Три футболиста — Эдуард Стрельцов, Борис Татушин и Михаил Огоньков, обвиненные в уголовном преступлении, не вернулись на базу, на нашу тарасовскую базу, где сборная жила и тренировалась последние дни перед отъездом на первенство мира. Еще до решения суда по материалам статьи в «Комсомольской правде» все трое были дисквалифицированы.

Тогда мы не знали подробностей и тяжело переживали случившееся: в беду попали люди, жившие с нами бок о бок, люди, с которыми соединила нас футбольная судьба. А где-то в глубине души рядом с жалостью и надеждой жило чувство обиды на них. Мы готовимся к первенству мира, и в этот момент трое тех, кого мы считали своими товарищами, наносят команде страшный удар. Надо ли объяснять, что значит для команды потеря сразу трех ведущих игроков?

Когда я вспоминаю предотъездные недели в Тарасовке, все прочие картины заслоняет собою одна: поле, на котором теряются пять-шесть человек. Быстро опускающиеся на землю сумерки. Мяч, летящий из угла штрафной площадки в мои ворота. И так триста, пятьсот раз... Давно уже ушли тренеры. Уже несколько раз присылали за нами гонцов с сообщением, что ужин остывает. Уже почти не видно в густеющей темноте мяча. Но Ильин, Сальников, Нетто навешивают и навешивают мячи над штрафной, а Симонян и Иванов раз за разом принимают их в воздухе и без остановки бьют в цель. Но вот наступает момент, когда после очередного броска я говорю себе: «Все, больше не могу». Нет сил подняться, но я поднимаюсь.

...Маленький шведский городок Хиндос. В густом сосновом лесу — двухэтажный коттедж с сауной, массажной, залом для настольного тенниса. Под рукой стадиончик. Неподалеку озеро. Здесь мы готовились к первым матчам чемпионата мира, встречам с англичанами, бразильцами и австрийцами. Эти три сборные попали по жребию в нашу группу. И чтобы продолжать борьбу, нам надо в групповом турнире занять первое или в крайнем случае второе место.

На чемпионатах мира ждать милостей от жребия не приходится: слабые команды остались за чертой финала. Правда, две-три сборные — из Африки, Азии или Австралии — получают места среди шестнадцати избранных как представители континентов, где футбол еще не получил широкого развития. Эти команды рассеивают по разным группам, но поскольку таких групп четыре, то слабых команд хватает не на всех. В данном случае не хватило их на нашу группу. Нам в партнеры достались две европейские сборные, одна — английская — всегда задавала тон в мировом футболе, а другая — австрийская — постоянно играла в нем заметную роль, ну, а команда Бразилии, как выяснилось позднее, оказалась лучшей командой мира. Да, фортуна явно испытывала новичков, но мы тогда не знали, что это далеко не все сюрпризы, которые она приготовила нам в Швеции.

Все в Хиндосе располагало к нормальной работе, ровному расположению духа. После тарасовской духоты, потрясений, связанных с отчислением из команды трех игроков, всегда утомляющих проводов и напутственных речей мы быстро приходили в себя, восстанавливая телесное и душевное равновесие.

Свой первый на чемпионате матч — с англичанами — мы сыграли вничью — 2 : 2, а могли и должны были выиграть, как выиграли недавний, товарищеский, в Москве. Но ни одному из нас корить себя в тот несчастливый, я бы даже сказал, роковой день было не за что, и никто не прятал глаза перед тренером.

И мы и англичане играли хорошо, однако мы лучше. Оборона наших соперников хоть и возглавлялась одним из лучших игроков в истории английского футбола — Биллом Райтом, чаще ошибалась, чем наша, а форварды и полузащитники команды СССР действовали более изобретательно и разнообразно, чем английские, и угрозы на их ворота обрушивались с разных сторон, нам же понастоящему угрожал лишь центрфорвард Кеван. Этот рыжий, почти двухметрового роста атлет был как бы живым воплощением классического типа английского центрфорварда. Его невозмутимость, храбрость, целеустремленность вызывали уважение и восхищение. Партнеры посылали и посылали высокие мячи в нашу штрафную, и он, как таран, напрямик шел к мячу, шел напролом, сметая на своем пути всех, кто пытался преградить ему путь.

Первым барьером на пути Кевана был наш центральный защитник Костя Крижевский. Он уступал Кевану в росте, но имел не менее твердый характер и редкую прыгучесть. Не раз он выигрывал единоборство у стокилограммового гиганта. Не раз Костя падал на траву, и казалось, что он уже не сможет подняться — с такой силой отбрасывал его от себя английский таран. Но Крижевский вставал и шел на новые столкновения, не только не уклоняясь от них, а ища их настойчиво и упорно.

О моей полуторачасовой дуэли с Кеваном после той игры много писали в газетах. Его манера диктовала и мою тактику, я выходил

Продолжение. См. «Огонек» № 41 и № 43.

Пока игра идет у других ворот...

Фото А. Бочинина.

Лев Яшин и его бразильские друзья — знаменитые футболисты Гарринча и Тостао.

ему навстречу и играл на опережение, стараясь завладеть мячом на миг раньше, чем он опустится на голову Кевана. Ростом и весом природа не обошла и меня. Встречаясь в воздухе, мы оба не слишком заботились о том, чтобы не помять друг другу бока, и я чувствовал, что ему достается не меньше от моих локтей, коленей, плеч, чем мне. Но англичанин не искал сочувствия у судьи, не катался по траве, взывая к его жалости. Всякий раз Кеван лишь сжимал свои челюсти, молча поднимался и через минуту опять врезался всей своей огромной тушей в Крижевского или в меня.

Всего один-единственный раз мяч раньше коснулся рыжеволосой головы Кевана, чем его достал Костя Крижевский, и именно тогда пулей влетел в дальний от меня угол ворот. Но это случилось уже во втором тайме, а первый мы выиграли — 2 : 0.

Пропущенный гол нас не обескуражил. Было ясно видно: англичанам не уйти от поражения — ничего кардинального для изменения характера игры они не предпринимают и, видно, предпринять не могут. Но когда до конца оставалось меньше десяти минут, Кеван ринулся в очередной раз к моим воротам. Мяч был у него в ногах, и он мчался прямо на Крижевского, пытавшегося прикрыть меня. Вблизи штрафной площадки они резко пошли на сближение, оба оказались на траве, а мяч вкатился в штрафную, и я спокойно завладел им. И тут-то произошло непоправимое: судья Жолт вдруг дал свисток и показал — пенальти!..

Жолта окружили наши игроки, показывая на поднимающегося Кевана — тот лежал вне пределов штрафной, но судья, растолкав футболистов, схватил мяч и поставил его на одиннадцатиметровую отметку.

Это была страшная несправедливость, ведь весь стадион видел, что англичанин упал вне штрафной площадки. Да и Костя сыграл чисто. Боковые судьи даже штрафной удар не показали. Все во мне кипело, и, забыв обо всем на свете, я сорвал с головы кепку и швырнул ее в Жолта, к счастью, он, занятый препирательствами с нашими игроками, этого не заметил.

И вот другой английский форвард, Финней, забил пенальти. Не мог я перехватить точно пробитого мяча, и матч закончился вничью. Не знаю, как чувствовал себя, уходя с поля, Жолт, когда трибуны провожали его адским свистом. Не знаю, как перенес он позор, которым единодушно покрыли его на следующий день английские газеты. Но мы тяжело пережили ту ничью, потерю драгоценного очка.

Мы уезжали со стадиона, удрученные украденной у нас победой, хоть и понимали, что играли хорошо. Теперь нам оставалось лишь одно: верить, что еще не все потеряно. Утешало и то, что голы англичанам забили Никита Симонян и Саша Иванов — игроки, занявшие те места, на которых должны были играть Стрельцов и Татушин.

Если бы мы знали тогда, во что обойдется нам это украденное судьей очко!..

Наше настроение улучшилось, когда мы выиграли (2 : 0) у австрийцев. А тут еще мне удалось взять мяч, пробитый с пенальти таким снайпером, как Буцек. И все же память возвращала нас к трудным минутам этого матча, к многочисленным ошибкам в простых ситуациях, к бесплодным попыткам наладить комбинационную игру. Рисунок нашей игры, столь четкий в матче с англичанами, в борьбе с австрийцами был стерт нашими ошибками. А ведь австрийцы были уж никак не сильнее англичан, наоборот, британская команда выглядела более высококлассной.

Постоянство в уровне игры — признак прочности мастерства. Видно, такой вот прочности мы пока не достигли. И, выходя поздней ночью из коттеджа подышать сосновым воздухом, я видел свет во многих окнах, слышал приглушенные голоса. Ребята говорили о предстоящих играх. Молва об удивительном мастерстве бразильцев уже долетела до нашей лесной дачи, и мы понимали: все, что было, цветочки, а ягодки впереди.

Конечно, нам хотелось самим посмотреть, как выглядят эти легендарные бразильцы в деле, хотя бы на тренировке. Но как-то так получалось, что не удавалось их в нужный момент отыскать. Пронесется слух, что они в лесу занимаются на дальней поляне, и мы всей командой туда. Протрусим километра три, а поляна пустая. Мы — домой. А там новая весть: уехали на стадион в Гётеборг. Мы садимся в автобус и едем в город. А их и след простыл. «Были,— говорят,— уехали недавно в лес...» Зато как только мы выходили на тренировку, тут же появлялись полтора десятка смуглых белозубых ребят и приветственно махали нам руками.

Без мяча мы с ними встречались нередко. Ходили друг к другу в гости, играли в пинг-понг, в бильярд, просто болтали на некоем «футбольном эсперанто», где мимика и жесты красноречивее слова. Они оказались приветливыми и свойскими ребятами, а с Жильмаром мы просто подружились, если применимо это слово к человеку, с которым говоришь на разных языках.

Остальных, кроме Жильмара, я, признаться, до выхода на поле не различал, хотя знал уже такие имена, как Сантос, Диди, Вава, Гарринча. Зато едва только начался наш матч, я быстро уловил, «кто есть кто». Нам сразу стало понятно, что самые высокие похвалы их мастерству не содержат ни капли преувеличения.

Уже на первой минуте с виду нескладный Гарринча каким-то невообразимым финтом уложил на траву Кузнецова, промчался с мячом по краю и пробил так, что мяч, ударившись в стойку ворот, отлетел в центральный круг. Еще через несколько секунд все повторилось в точности: рывок Гарринчи, лежащий Кузнецов, удар в штангу и мяч, отскочивший к середине поля.

Нечто подобное повторялось потом не раз, и оба гола забил после прострельных передач Гарринчи Вава, на неуловимый миг опережавший Крижевского. Кузнецов проиграл единоборство Гарринче, так же как не смог справиться с Вавой Крижевский, а Игорь Нетто с Диди. Но если бы я был тренером нашей команды и мне надо было бы выставить всем трем оценки, я бы без колебаний вывел три пятерки. И не только за этот матч, а за турнир вообще. Каждый из них вправе был с чистой совестью сказать: мы, защитники, сделали все, что могли. Но я думаю, что они сделали больше, чем могли.

Крижевский и Кузнецов были моими товарищами по динамовской команде, и обоих я знал достаточно близко. Их футбольная эрудиция была наивысшей, но самым ценным, а точнее, бесценным была их беззаветная преданность дружбе, настоящей спортивной дружбе, которая проявляется не в словах, не за столом, а на поле.

Для Крижевского игры с англичанами, австрийцами и бразильцами превратились в бесконечную цепь единоборств с Кеваном, Буцеком и Вава — тремя великими центрфорвардами мирового футбола тех лет. Два или три столкновения с ними он, битый-перебитый, не успевавший восстанавливаться от матча к матчу, проиграл, но сотни — выиграл. После матчей тяжко было видеть, как он снимал футболку, гетры, трусы. На коленях, локтях, бедрах не было живого места. Его даже освобождали от междуматчевых тренировок. Но на очередной игре он опять выглядел свежим, готовым к борьбе, веселым и здоровым, и

можно было лишь догадываться, чего стоит ему этот благополучный вид.

Вообще игра Константина Крижевского отличалась редкой красотой движений. Его шпагаты, его кульбиты, его головоломные прыжки, когда, распластавшись над полем, он отбивал низкие мячи головой, выглядели так, будто природа наделила его какими-то особыми мышцами, упругими и эластичными.

Борис Кузнецов был в жизни куда заметнее, чем Крижевский,— он мог и ответить резко, и вспылить, и пошутить так, чтобы все услыхали, да и вообще не прятался в тень. И на поле он тоже был видной фигурой. Старые болельщики хорошо помнят и его постоянные рейды вдоль левого края, которые часто заканчивались резкими и точными ударами по воротам, и его филигранно выполненные подкаты, когда убежавший от Кузнецова соперник вдруг обнаруживал, что убежать-то он убежал, но без мяча.

Спустя годы мы изучали тактику рейдов, совершаемых знаменитыми защитниками, и технику подкатов по иностранным моделям. Кузнецов и Крижевский делали эти подкаты задолго до того, как увидели их в исполнении англичанина Райта. И тот же Кузнецов, Юрий Нырков и Анатолий Крутиков совершали глубокие рейды по флангам еще в то время, когда возведенный в ранг их основоположника итальянец Факетти ходил в коротких штанишках.

На шведском чемпионате Кузнецову тоже пришлось тяжело. Против него играли всемирно знаменитые игроки англичанин Финней, швед Хамрин, бразилец Гарринча. Ни Финнею, ни Хамрину так и не удалось переиграть Кузнецова. Гарринчу в ту пору не удержал бы ни один защитник в мире. Уникальная колченогость Гарринчи — обе его ноги были искривлены в одну сторону — делала борьбу с ним практически безнадежной. Готовя свой финт, он почти ложился на бок. Казалось, человек, принявший такую позу, удержаться на ногах не в состоянии, но Гарринча удерживался и уносился с мячом от защитника.

Другой защитник на месте Кузнецова, имевшего к тому же репутацию футболиста не слишком выдержанного, впал бы в отчаяние и либо выбросил бы белый флаг капитуляции, либо пошел бы на грубость. Но Борис, чувствуя высокую ответственность за каждый свой шаг, снова и снова искал пути выигрыша дуэли с Гарринчей, и поразившему мир бразильцу было все труднее обманывать нашего левого защитника, и атаки бразильцев с правого фланга становились все менее опасными.

А тут еще другой наш крайний защитник, Володя Кесарев, наглухо закрыл левого крайнего бразильской команды — Загалло, тоже суперзвезду бразильского футбола, прославившегося позднее и как великолепный тренер — это он руководил игрой сборной Бразилии на чемпионате в Мехико, откуда его команда увезла к себе домой «Золотую богиню» навсегда.

Владимир Кесарев был прирожденный защитник. В жизни надежный, хладнокровный человек, из тех, у кого все в меру и ничего лишнего. Он эти качества полностью проявлял и в игре. Таких защитников нападающие не любят больше всего: этот не увлечется, не попадется на прием, не рискнет, если риск чреват малейшей опасностью прорыва обороны. Если же тыл обеспечен, то он и вперед пойдет как угодно далеко, и благодаря уверенной технике и смекалке сыграет не хуже иного форварда, и даже при случае гол забьет...

Мы проиграли этот матч. Изумительные бразильские форварды, поддерживаемые лучшим по тем временам полузащитником в мире Диди, сумели забить нам два гола. Но если бы вернулось вдруг 1958 года и надо было бы нам вновь играть на шведском чемпионате, лучших партнеров в защите, чем Крижевский, Кесарев и Кузнецов, я бы не пожелал.

А проиграли мы бразильцам потому, что не проиграть не могли: не было тогда на свете футбольной команды, которая могла бы играть с ними на равных, и это подтвердилось очень скоро. В полуфинале они со счетом 6 : 2 разгромили французов во главе с Копа и Фонтеном, а в финале без труда расправились с хозяином чемпионата — сборной Швеции.

Бразильская сборная была действительно вершиной того футбола, который называли «романтическим» и который теперь ушел в безвозвратное прошлое. Она имела и созданную ее тренером Феолой систему 4—2—4, и общий стратегический план на чемпионат и тактический на каждую игру. Но в рамках плана бразильские кудесники легко и непринужденно творили на поле чудеса. Любой ход их лучших игроков был как озарение. Видно было: секунду назад футболист еще и сам не знал, как распорядится мячом. И вдруг принимал решение, самое замысловатое, неожиданное, оригинальное из всех возможных, принимал тут же, на глазах изумленной публики. И партнеры его понимали, будто иного и не ждали, словно между всеми бразильскими игроками существовала телепатическая связь. Ну, а в технике для них не существовало ничего недоступного. Мяч от одного игрока к другому устремлялся по каким-то замысловатым дугам, облетая противников, которым оставалось лишь провожать его взглядом.

Если игра нынешних лидеров мирового футбола вызывает уважение, как добротная, выполненная высококвалифицированными мастерами своего дела работа, то в исполнении бразильцев она выглядела великолепным спектаклем или музыкальной пьесой, исполняемой ансамблем виртуозов. Этой игрой можно было любоваться.

Такой команде мы проиграли в борьбе, которую никак не назовешь «игрой в одни ворота». Мы не раз захватывали инициативу и создали несколько отличных голевых ситуаций.

На поле я сразу же стал узнавать каждого из бразильцев, особенно форвардов, и лишь одного не запомнил. Просто не мог припомнить, как он выглядит, сколько ни старался. Этот единственный был Пеле, легендарный Пеле, чья звезда взошла и сразу засверкала невиданным блеском именно там, на шведском чемпионате. Матч с нами был первым его международным выступлением в составе сборной Бразилии. О том, что есть в команде семнадцатилетний вундеркинд по прозвищу «Пеле», мы были наслышаны... Уже в следующих играх все убедились, что в устных и письменных рассказах о его удивительном таланте нет преувеличений, а вот в матче со сборной СССР Пеле так и не удалось ничем себя проявить.

Тут надо учитывать, что этот международный матч был для него первым, но надо учитывать и то, что Качалин поручил Пеле заботам Виктора Царева.

Футболист этот в нашем футболе фигура необычная, стоящая несколько особняком. Любой игрок сборной — человек, заметный чем-то своим, только ему одному свойственным. Тот славится быстрым бегом, этот — тонким пониманием игры, третий — длинными рывками, четвертый — неотразимыми ударами, пятый — дриблингом. Ни изяществом в обращении с мячом, ни быстроногостью, ни ростом, ни статью Царев среди прочих не выделялся. Даже самый внимательный зритель после матча московского «Динамо» или сборной мог бы не знать, участвовал ли в матче Царев. Если же и запомнил его на поле, то на вопрос, хорошо ли он играл, ответить бы затруднился.

Виктора Царева многие годы приглашали в сборную и включали в состав на самые ответственные игры. И были правы, потому что одним, и притом редчайшим, качеством этот футболист владел в полной мере: исполнительностью. Качалину не надо было разжевывать Цареву его игровую задачу. Достаточно было сказать лишь: «Виктор, вам поручается играть с Пеле»,— и тренер мог быть уверен, что Царев сделает все возможное и невозможное, чтобы самый опасный форвард был обезврежен, или, как мы говорим, «остался без мяча».

И при этом Царев не совершал никаких внешне героических поступков, не разрывался на части, не носился метеором по полю. Он, как пластырь, приклеивался к «своему» игроку и неотступно сопровождал его, куда бы тот ни пытался от него скрыться. Тот делал стремительные рывки, мчался с фланга на фланг с такой скоростью, что казалось, и ветер его не догонит, а Царев трусил рядом своей внешне неторопливой рысцой и, как только противник готовился принять мяч, оказывался тут как тут, и отвязаться от него было невозможно. И чаще всего этот спор заканчивался так: соперник выглядел полностью измотанным, и его усталость особенно бросалась в глаза, поскольку рядом находился свежий, спокойный, невозмутимый его страж.

Нет, Царев не относился к числу этаких унылых, безынициативных, добровольно лишивших себя права думать исполнителей чужой воли. Если позволяла обстановка, он мог, оставив вдруг порученного его опеке соперника, пойти вперед, помочь в атаке, сам выйти на позицию для удара по воротам. Но это если позволяла обстановка. Как говорится, сперва долг, а потом удовольствие. Долг был для него превыше всего на свете. И именно высокоразвитое чувство долга позволило ему стать нужным, а иногда и просто незаменимым игроком сборной.

Меня связывает с Виктором Царевым давняя дружба. Его и вне поля разглядишь не вдруг. Голос его негромок, и Виктор никогда не произносит длинных речей и пышных тостов. Но когда в трудные дни такой человек рядом, както спокойнее становится на душе: знаешь — на него можно положиться.

Вот он-то, Виктор Царев, и был виновником того, что не в первом своем, а только во втором международном матче сборной Бразилии Пеле заставил обратить на себя всеобщее внимание.

Матчи СССР — Бразилия и Англия — Австрия шли одновременно. Тот, второй, закончился вничью — 2 : 2. Значит, мы набрали столько же очков, сколько англичане. Значит, переигровка. Значит, пока соперник победителя этой переигровки — сборная Швеции — будет отдыхать и набираться сил, мы должны потратить все оставшиеся в дополнительном матче с англичанами. Вот когда мы в полной мере ощутили силу удара, нанесенного нам судьей Жолтом.

И сила этого удара удваивалась отсутствием трех проштрафившихся — Стрельцова, Огонькова, Татушина. Пусть им на смену пришли футболисты, вполне достойные и хорошо проявившие себя в гетеборгских играх, но их-то, усталых, изрядно побитых во время матчей с Англией, Австрией и Бразилией, заменить было уже некем.

Сыграй мы дополнительный матч с англичанами вничью, участника четвертьфинала определила бы монетка, подброшенная судьей. Однако счастье — первый и единственный раз на этом чемпионате — улыбнулось нам, и «орлянка» не состоялась. Игра, где донельзя изнуренные команды соревновались не столько в мастерстве, сколько в терпеливости и способности трудиться «через не могу», закончилась со счетом 1 : 0 в нашу пользу. Справедливость восторжествовала. Но какой ценой добыто было это торжество!

Однако и на этом наши шведские злоключения не закончились. Четвертьфинальный матч был назначен в Стокгольме. Швеция — страна небольшая, и ее можно за день проехать на поезде или на автомобиле из конца в конец. Но для нас почему-то выбрали воздушный путь. Самолет улетал около двух часов ночи, и несколько часов нас продержали в крошечном аэровокзале, где и сидеть мы могли только по очереди. В Стокгольм мы попали засветло, а спать улеглись, когда трудовой день уже начался. И тут выяснилось, что отель, куда нас поместили, находится едва ли не на самом бойком месте в городе. Одна его сторона выходила на железную дорогу, другая — на стройку, где вовсю стучали отбойные молотки.

Поднялись мы измученные, невыспавшиеся и в таком состоянии вечером вышли на матч со шведами.

Не знаю, чем была вызвана вся цепь неудобств, но выглядело все это совсем непонятно в стране, которая славится своим умением создавать комфорт приезжим, в городе, который знаменит на весь мир своим туристским сервисом...

Первый тайм матча со шведами мы еще держались, даже забили гол, который судьи не засчитали, определив, что Ильин находился в офсайде. Но на второй тайм нас уже не хватило. Ноги плохо слушались игроков. Мяч отказывался им подчиняться. Шведы полностью завладели положением и победили — 2 : 0. Нам оставалось утешаться лишь тем, что если бы не потеря трех игроков, не пенальти в матче с англичанами, не этот ужасный переезд из Гётеборга в Стокгольм, то все могло бы быть иначе. Но то были слабые утешения.

Встречали нас дома более чем прохладно. Да и мы были удручены своей неудачей. Доказывать что-то кому-то было бесполезно, ведь Москва слезам не верит, да и унизительное это занятие — плакаться. Но каждый из нас знал: корить себя не в чем. Мы сделали все, что могли, а может, даже немного больше...

Теперь, с дистанции времени, тот чемпионат видится яснее в сопоставлении с последующими турнирами мирового и европейского масштаба. И сейчас мне ясно, что если не учитывать те удары, которые обрушила на нас судьба, то на первом своем чемпионате советская сборная показала себя командой хорошего международного класса и сумела завоевать плацдарм, с которого можно было начать наступление к вершинам мирового футбола. Так оно, кстати, и было. Два года спустя мы выиграли первый в истории футбола Кубок Европы, спустя еще четыре получили бронзовые медали мирового первенства. К сожалению, в какой-то момент движение вперед приостановилось, а затем началось медленное отступление, и сейчас мы отошли за тот рубеж, который взяли с ходу в 1958 году. Почему так случилось? Ответа на этот вопрос ищут все, кто любит футбол,— и знатоки и просто болельщики. Не могу не думать об этом и я. Размышляя об этом, я невольно сопоставляю наш сегодняшний футбол с тем, который мы знали в годы моей молодости.

Литературная запись Евг. Рубина.

НАРОДНЫЙ ДОМ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Неизвестный рисунок Ф. И. Шаляпина с его автографом: «Малиновский после постройки Народного дома».

1903 год. Нижний Новгород. На сцене Народного дома в день открытия: П. П. Малиновский, Л. А. Сулержицкий, Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький, Е. П. Пешкова. (Непубликовавшаяся фотография).

Е. П. МАЛИНОВСКАЯ

Он встал на самой окраине Нижнего Новгорода (ныне город Горький), рядом с тюремным замком и винным складом, за Острожной площадью,— Народный дом. Он стоял как символ тех сил, которые уже подымались, чтобы уничтожить и царскую тюрьму и сам царизм. Еще он строился, а уж подпольщики использовали его строительные леса для переговоров с заключенными в тюрьме посредством заранее обусловленной жестикуляции. Напрасно тюремщики не раз бросались на стройку, чтобы схватить сигнальщиков. Кому же лучше знать там все ходы и выходы, чем руководившему стройкой Павлу Петровичу Малиновскому [1],— пока жандармы лазали по лесам, подпольщиков и след простывал.

Так началась замечательная история Народного дома — любимого детища Алексея Максимовича Горького.

В самом конце прошлого века Алексей Максимович сгруппировал вокруг себя прогрессивную интеллигенцию, молодежь, высланную в Нижний за вольнодумство и революционную деятельность. Этот кружок всячески поддерживал ростки демократической культуры. А. М. Горький организует с 1899 года ежегодные бесплатные елки на тысячу и более детей городской бедноты с гостинцами и подарками с одеждой, обувью, книгами, затем бесплатный каток, постройку общежития для детей учителей. Для грузчиков и безработных открывает в 1900 году рядом с ночлежкой Бугрова бесплатную читальню и дешевую столовую. В 1901 году там же, на Миллионной улице, Горький создает чайную-клуб «Столбы», просуществовавшую до революции.

Венцом всех общественных начинаний Горького явилась постройка Народного дома, ставшего в городе общественно-политическим центром, и создание в нем общедоступного драматического театра по примеру Художественного.

Вопрос о постройке был решен еще в 1897 году, и талантливый архитектор П. П. Малиновский безвозмездно составил проект. Из-за бесконечной нехватки средств, которые складывались главным образом из пожертвований и сборов с концертов, лекций, любительских спектаклей, здание было достроено только к сентябрю 1903 года. Однако осталась задолженность по сооружению крыши, а касса пуста. И тогда Алексей Максимович попросил своего друга, великого русского артиста Ф. И. Шаляпина, который однажды уже давал концерт в пользу строительства, открыть деятельность Народного дома своим концертом, а сбором заплатить за крышу.

Но как быть со сценой? Чем закрыть голые кирпичные стены? Малиновскому пришла в голову счастливая мысль...

«Навезли из леса настоящих деревьев, и на сцене получилась золотая осень... — вспоминает Е. К. Малиновская, организатор концерта.— Весь вечер пел Шаляпин, аккомпанировал ему композитор Корещенко, который сыграл еще две-три свои вещи. Концерт был исключительный. Вызовам не было конца, и на бис Федор Иванович пел больше, чем стояло в программе. Адреса, цветы, венки... Молодежь поднесла ему подарок — маленький жетон, на котором была выгравирована надпись: «Ф. И. Шаляпину — благодарные «зайцы».

После концерта я в письменном виде благодарила Шаляпина. Шаляпин отвечал:

«Голубушка Елена Константиновна! Получил Вашу записку, и передо мною, как вчера, пронесся ясно чудный вечер нашего концерта и с ним вместе и шумное, полное жизни послеконцертие.

Если начальство, а с ним вместе и истуканы с набитыми золотом лбами не пришли в наш концерт, то и черт с ними, я об этом и не думаю. Жаль, конечно, что несколько лишних сотен рублишек не попало в стены животворного во всех смыслах этого слова Дома, но я думаю, что от этого больно очень никому не будет. «Голенький — ох, а за голеньким бог»,— говорит пословица.

Я не знаю, как публика, но я наслаждался в этот вечер, нравился самому себе, я пел, как пою сравнительно редко.

В заключение скажу Вам еще «черт с ними». Искренне жму Вашу руку и говорю Вам спасибо за все, за все, за все!»

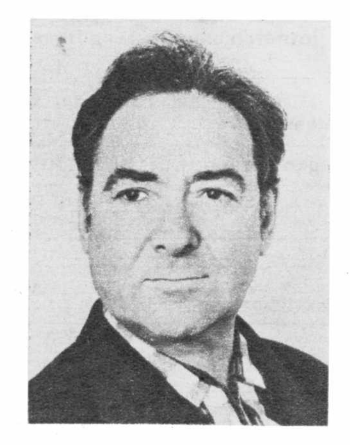
Не в этот ли момент зародилась у Шаляпина мысль изобразить П. П. Малиновского в виде витязя в тигровой шкуре, «выколачивающего» постоянно не хватавшие средства для строительства?

А вот что писал тогда же А. М. Горький К. П. Пятницкому: «Знали бы Вы, как обидно, что Вас не было на концерте! Концерт был таков, что, наверное, у сотни людей воспоминание о нем будет одним из лучших воспоминаний жизни. Я не преувеличиваю. Пел Федор — как молодой бог, встречали его так, что даже и он, привыкший к триумфам, был взволнован...»

Вскоре закончилась отделка Народного дома, и в нем стали завсегдатаями рабочие, посещавшие бесплатные лекции, беседы, литературно-музыкальные концерты, библиотеку-читальню, чайную. Дом был удобным местом и для конспиративных встреч, словом, он стал «своим местом». А в дни революционной борьбы 1905 года он превратился в штаб революционного движения. В нем помещались и Нижегородский комитет партии большевиков и боевая дружина.

[1] П. П. Малиновский — известный архитектор, член КПСС с 1904 года.

ПАМЯТИ ДРУГА

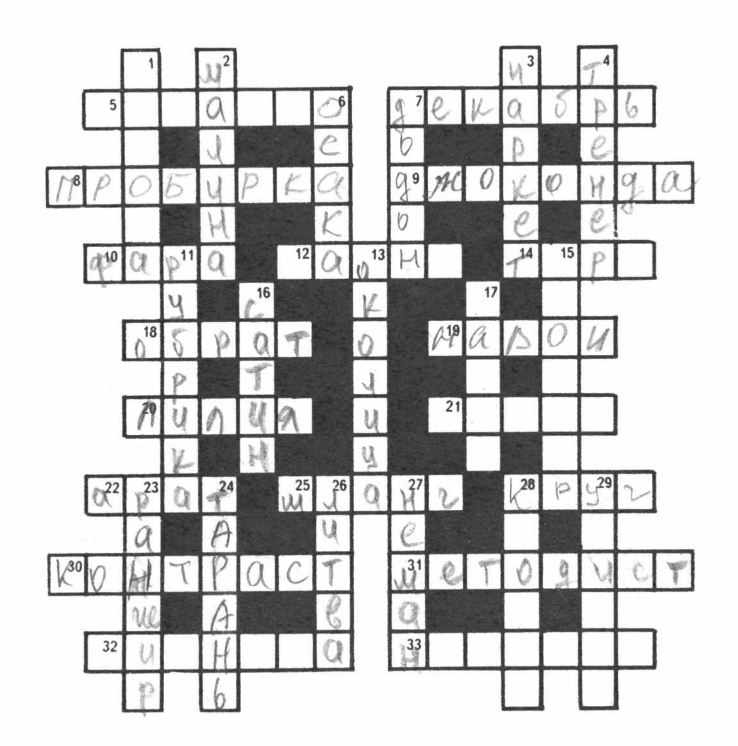

Умер Григорий Романович Коган, один из старейших работников «Огонька». За последние тридцать лет не было мало-мальски значительного снимка, опубликованного в «Огоньке», которого бы не коснулась его добрая и умелая рука.

Григорий Коган работал ретушером, на месте очень важном и нужном, особенно в иллюстрированном журнале.

Скромный и добрый человек, Григорий Романович пришел в редакцию сразу после окончания Великой Отечественной войны, которую прошел в должности полкового разведчика. Не раз проливал свою кровь в боях с врагами, не раз смотрел смерти в глаза. Его любили и уважали в редакции, и он любил своих товарищей по работе.

Память о добром, чистом человеке Григории Когане мы будем хранить всегда.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Повесть Н. В. Гоголя. 7. Месяц года. 8. Лабораторная посуда. 9. Картина Леонардо да Винчи. 10. Автомобильный фонарь. 12. Спутник планеты Сатурн. 14. Приток Иртыша. 18. Обезжиренное молоко. 19. Народный поэт Узбекистана. 20. Цветок. 21. Танец. 22. Скотовод в Монголии. 25. Гибкий трубопровод. 28 Выпуклая замкнутая кривая. 30. Резкое различие, противоположность. 31. Консультант по определенным вопросам. 32. Раздел кибернетики. 33. Химический элемент.

По вертикали:

1. Басня И. А. Крылова. 2. Ягода. 3. Дощечки для настила пола. 4. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 6. Порт в Японии. 7. Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. 11. Заголовок раздела. 13. Окраина села. 15. Русский композитор. 16. Хлопчатобумажная ткань. 17. Щипковый инструмент. 23. Построение в шеренгу по росту. 24. Промысловая рыба. 26. Союзная республика. 27. Река в Польше. 28. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 29. Растворитель в производстве лаков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 8. «Хирургия». 9. Аттестат. 10. Нукус. 11. «Олеся». 12. Вихрь. 13. Окинава. 16. Проспект. 18. Сценарий. 19. Росси. 21. Беппо. 24. Ставрида. 25. Каттегат. 27. Шапорин. 31. Бетон. 32. Катод. 33. Тонна. 34. Сложение. 35. Лезгинка.

По вертикали: 1. Стрельцов. 2. Брянск. 3. Стасов. 4. Натюрморт. 5. Трест. 6. Арканзас. 7. Сепия. 14. Георгин. 15. Реторта. 17. Труба. 18. Силок. 20. Бандероль. 22. Пирожное. 23. «Огородник». 26. Жокей. 28. Аптека. 29. Италия. 30. Манго.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Аветик Исаакян (к 100-летию со дня рождения). Художник Р. Рухкян.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участницы Всемирной встречи девушек, состоявшейся в Москве.

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

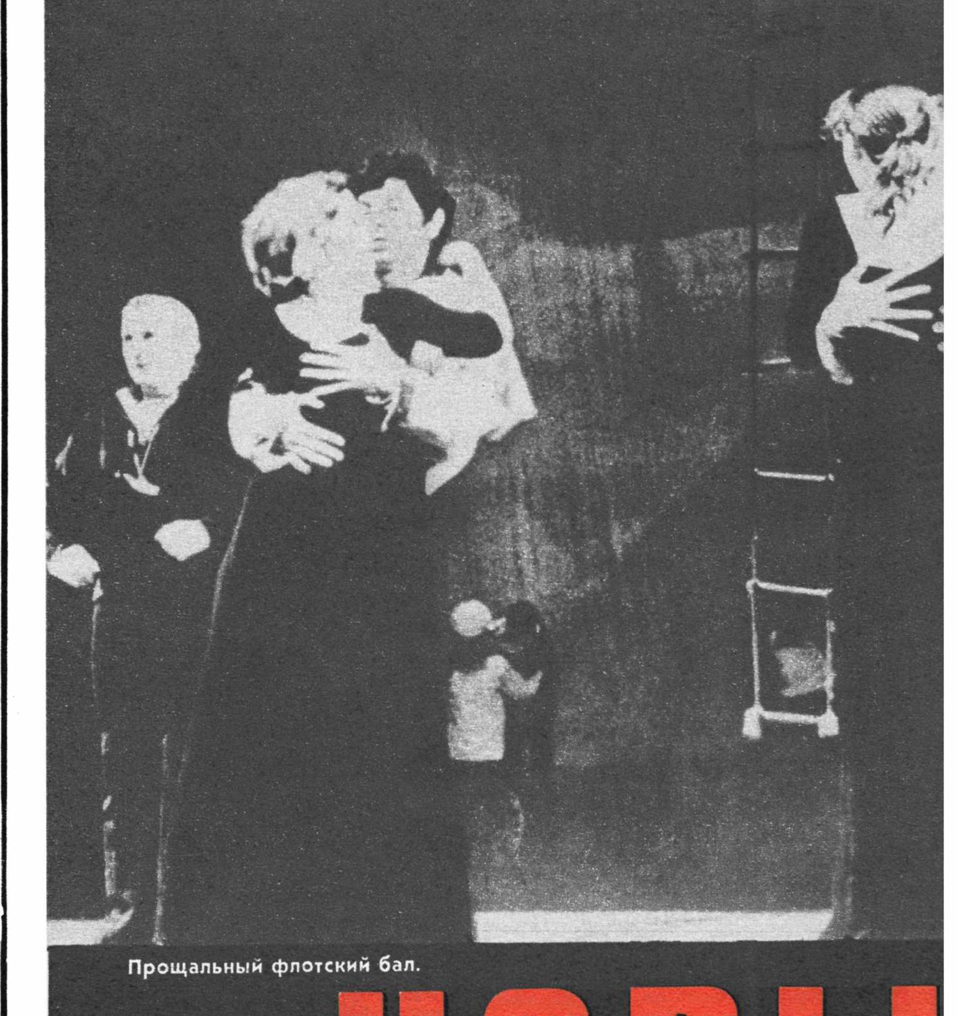
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/X — 1975 г. А 00664. Подп. к печ. 28/X — 1975 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2510. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1238.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Прощальный флотский бал.

НОВЫ

В. ВАРЖАПЕТЯН   Фото А. БОЧИНИНА

Символ театра — маска. А что под ней — лицо неповторимое или безлико-общее! Радостная встреча с новым или разочарование: «Маска, я тебя знаю!»

Встреча с Экспериментальным театром-студией была интересной. Молодой коллектив, существующий всего лишь третий сезон, показал московским зрителям весь свой репертуар: «Оптимистическую трагедию» В. Вишневского, «Город на заре» А. Арбузова, «Вестсайдскую историю» А. Лорентса.

Имя руководителя студийцев Геннадия Юденича прозвучало в ту пору, когда созданный молодым режиссером потешный театр «Скоморохи» начинал свой путь к сцене. С тех пор актеры повзрослели; мечтая о театре настоящем, они выступали в клубах и домах культуры.

«Существовали, как театр-коммуна»,— вспоминает Юденич. Наверное, в эти годы и закалилась их воля, укрепилось творческое единомыслие. Они работали как одержимые.

Первой пробой сил нового театра стала постановка «Города на заре», потом — «Вестсайдской истории» и, наконец, «Оптимистической трагедии», которая стала строгой проверкой всего, что они вместе пережили, передумали, поняли.

Пьеса В. Вишневского знакома едва ли не каждому зрителю — по книгам, по кинофильму, по спектаклям А. Таирова, Г. Товстоногова, Л. Варпаховского... Кажется, она исчерпала себя прочтениями и открытиями. Но это лишь кажется. Подлинное произведение искусства с годами не только не растрачивает свой эстетический и нравственный заряд, но словно вбирает в себя духовную энергию новых поколений.

...До начала спектакля полчаса. В фойе уже слышны голоса зрителей, а на сцене еще идет репетиция прощального флотского бала; матросы расстаются с матерями и невестами. Звучит то печальная, то разудалая мелодия «Калинки». Плачут, стенают женщины...

Краткие минуты тишины, и вот зал заполняют сотни людей. Начинается «Оптимистическая». Начинается неожиданно и стремительно. Из глубины сцены бегут матросы с винтовками наперевес. Кажется, еще минута — и они ворвутся в зал, сомнут его яростной атакой. С первой же минуты театр погружает нас в самую гущу событий, захлестнувших всю бескрайнюю Россию, поставивших героев пьесы — всех до единого — лицом к лицу с Революцией. Именно здесь — ключ режиссерского и актерских открытий. Именно в них главная идея сценического решения: через трагическое — к преодолению смерти, к торжеству человеческого духа.

Конечно, не все новации Экспериментального театра одинаково интересны и оправданы, и, наверное, в его работах пока еще многое идет от театра-представления. Но самая работа эта не безрезультатный поиск, а шаг вперед. Шаг заметный, а потому радостный.

Й ТЕАТР

Комиссар — О. Осипенко, Сиплый — Л. Крупин, Вожак — Д. Соломатин.

Массовая сцена: братва с «Павла Первого».

Смерть Комиссара.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663